

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**КОРЕЙСКИЕ СКАЗКИ
(СБОРНИК)**

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Корейские сказки (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22204146

Аннотация

«В 1898 году, в сентябре и октябре, я проехал из Владивостока в Порт-Артур, – большею частью верхом, частью в лодке: в лодке – по Ялу (Амнока-ган). Ехал не прямо, а с заездами, – то в Корею, то в Маньчжурию. Во время этого путешествия я собрал прилагаемые сказки. Двадцать-тридцать корейцев, в своих дамских белых кофточках, в дамских шляпах с широкими полями и высокими узкими тульями, окружали нас, присаживаясь на корточках, и лучший сказочник рассказывал, а остальные курили свои тонкие трубочки и внимательно слушали...»

Содержание

Предисловие	6
1. Заяц	9
2. Три брата	12
3. Восьми-несчастный	13
4. Кучи Кантхегана	19
5. Художник	21
6. Пак	24
7. Добродетельная жена	33
8. Отгадчик	36
9. Нен-мои	39
10. Чапоги	45
11. Знаем!	48
12. Два патриота	49
13. Небесная подруга	53
14. Благородный муж	56
15. Охотники на тигров	58
16. Законные и незаконные дети	61
17. Еще добродетельная женщина	63
18. Женское любопытство	66
19. Наказание	67
20. Ловкий стрелок	69
21. Конфуций	74
22. Династия Ли	76

23. Вторая легенда о царствующей в Корее династии	78
24. Легенда о бобре	83
25. Ловкий человек	87
26. Выгодный оборот	89
27. Желтая собака	92
28. Тринадцатилетний муж	96
29. Как появились мыши и с каких пор перестали убивать стариков	98
30. Уан-чине	100
31. Еще тысяченожка	102
32. Дядя	105
33. Нянь и Тори-си	109
34. Кошки	112
35. Воловий труд	117
36. Волмай	123
37. Счастливая могила	130
38. Тутонтайна	132
39. Ни-муей	134
40. Ким	137
41. Курей	141
42. Сыновняя любовь	142
43. Права отца	144
44. Перевозчик	147
45. Водка из камня	150
46. Птичий язык	152

47. Недостойный друг	154
48. Сироты	161
49. Судья	164
50. Богатырь	166
51. Любовь	169
52. Два камня	171
53. Сын тысяченожки	173
54. Сим-чен	177
55. Честный человек	184
56. Нью-сан	187
57. Родовая месть	189
58. Похороны	191
59. С каких пор в Корее появилось тонкое полотно	192
60. Змей	194
61. Жена раба	195
62. С каких пор женщины Кореи стали вести замкнутую жизнь	197
63. Ко и Кили-си	200
64. Клятва	206

Николай Гарин- Михайловский Корейские сказки (сборник)

Предисловие

В 1898 году, в сентябре и октябре, я проехал из Владивостока в Порт-Артур, – большею частью верхом, частью в лодке: в лодке – по Ялу (Амнока-ган).

Ехал не прямо, а с заездами, – то в Корею, то в Маньчжурию.

Во время этого путешествия я собрал прилагаемые сказки.

Двадцать-тридцать корейцев, в своих дамских белых кофточках, в дамских шляпах с широкими полями и высокими узкими тульями, окружали нас, присаживаясь на корточках, и лучший сказочник рассказывал, а остальные курили свои тонкие трубочки и внимательно слушали.

Мой переводчик г. Ким, сам кореец, прекрасно владеющий и корейским и русским языком, учитель по специальности, переводил; я быстро, фраза за фразой, записывал, ста-

раясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего своего.

За это я ручаюсь и не сомневаюсь, что будущие исследователи подтвердят истину моих слов.

Я слушал эти сказки то вечером, после гостеприимного ужина, то во время отдыха на перевалах, откуда раскрывалась перед нами далекая панорама долин и гор в осеннем нежном, как старые персидские ковры, узоре.

Целые снопы фиолетовых и оранжевых лучей заходящего во всем своем величии желтого солнца заливали эту даль, и она сверкала, вспыхивала в последний раз и уже исчезала, как видение, в просвете быстро наступающих сумерек. И все кругом – и эта даль, и эти люди, и их жизнь – казались тоже сказкой.

Одну тетрадь со сказками я потерял, к сожалению. Теперь, когда я опять еду туда, на далекий Восток, мне, может быть, удастся возместить эту потерю. А может быть, я не найду уж той прежней сказочной Кореи, тех библейских патриархальных фигур: чистых, доверчивых детей; наивных, благородных и в то же время пятитысячелетних старцев, изведавших и познавших и душу человеческую и тщету всего земного, которым ничего, кроме их сказок и гор, не надо.

Юмор, добродушие, всепонимание и всепрощение, поразительное благородство.

Так они живут, так умирают.

Я стою над умирающим корейцем, впервые увидевшим

нас, белокожих. В его доме на нас произвели нападение, его смертельно ранила одна из пуль нападавших хунхузов.

Темное, красивое, иконописное лицо; чудные большие глаза; черная борода, напоминающая индуса. Спокойствие, величие простоты...

– Я исполнил только свой долг гостеприимства... Но уходите скорее отсюда... Оставьте нас... Нет, не надо золота, потому что оно привлечет опять злых людей и погубит нас...

Корейцев называют трусами.

За белые костюмы, за робость – русские называют корейцев белыми лебедями.

Да, как лебеди, корейцы не могут драться, проливать человеческую кровь; как лебеди, они могут только петь свои песни и сказки.

Отнять у них все, самую жизнь – так же легко, как у детей, у лебедей: хорошее ружье, верный глаз...

Ах, какие это чудные, не вышедшие еще из своего сказочного периода дети!

1. Заяц

Заболел морской царь, и доктор-рыба доложил ему, что только печенька зайца может спасти его от смерти.

Тогда послали кету поймать зайца. Кета поплыла, но у берега попалась на удочку.

Послали сома, но и сом попался.

Тогда послали ужа. Но уж, когда выполз на берег, попал под колеса арбы и был раздавлен.

Тогда послали черепаху.

Черепаха разыскала царя зверей, тигра, и говорит:

– Ты царь, и у нас есть царь. Наш царь умирает, и доктор сказал ему, что если он не съест заячьей печени, то жить он не будет.

Тигр выслушал и приказал привести к нему зайца.

– Иди, – сказал он, – за этой черепахой: тебя зовет морской царь.

Идет заяц с черепахой и выпытывает, что нужно от него морскому царю.

Рассказала ему черепаха, в чем дело.

– Но если у меня вынут печеньку, так ведь я уже жить не буду?

– Этого я не знаю, – сказала черепаха.

– Ну, так вот что, – у меня есть один хромой родственник. Он давно жалуется, что ему от хромой ноги жизнь не в

жизнь. А царю вашему ведь все равно, чью печенку ни есть, – лишь бы только заячья была.

Так ты подожди меня, я только вот в этот лес сбегая и живо приведу тебе хромого зайца.

– А мне все равно, – сказала черепаха и выпустила зайца.

Заяц шмыгнул в лес, и только его и видели.

Ждала-ждала черепаха и поползла к своему царю.

Узнал царь, в чем дело, и велел ей опять ползти к царю зверей.

Рассказала черепаха царю зверей, как ушел от нее заяц.

– Ну, иди домой, – сказал ей царь, – от тебя он опять убежит, – я пошлю его с более надежным.

Услыхал заяц, что его опять ищут, и говорит:

– Ну, теперь, когда мне все равно умирать, сделаюсь я хунхузом.

И заяц сделался хунхузом.

Раз видит он, ползет по дороге черепаха.

– Ты куда ползешь? – спрашивает ее заяц.

– Да вот к вашему царю сказать, чтобы он больше не беспокоился, так как наш царь уже умер.

Тогда заяц забежал вперед черепахи и, присев перед своим царем на корточки, сказал:

– Слышал я, великий царь, что ты требуешь меня, – вот я.

– А где ты был до сих пор?

– Я бегал на китайскую сторону к брату своему в семнадцатом колене.

– А почему ты ушел тогда от черепахи?

– Я не ушел, а отпросился согласно разрешению выставить за себя хромого. Вот к этому хромому брату я и бегал.

– Ну?

– Да, не пошел, – говорит, не хочу еще умирать.

– А не хочет, так иди ты.

В это время приползла черепаха с известием, что их царь уже умер.

– Ну, умер, так умер, – сказал тигр и отпустил зайца с наградой.

2. Три брата

Жили три брата на свете, и захотели они нарыть жень-шенью, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось им, и вырыли они корень ценой в сто тысяч кеш. Тогда два брата сказали: «Убьем нашего третьего брата и возьмем его долю». Так и сделали они. А потом каждый из них, оставшихся в живых, стал думать, как бы ему убить своего другого брата. Вот подошли они к селу. «Пойди, – сказал один брат другому, – купи сули (водки) в селе, а я подожду тебя». А когда брат пошел в село, купил сули и шел с ней к ожидавшему его брату, тот сказал: «Если я теперь убью своего брата, мне останется и вся суля и весь корень». Он так и сделал: брата застрелил, а сулю выпил. Но суля была отравлена, потому что ею хотел убитый отравить брата. И все трое они умерли, а дорогой корень жень-шень сгнил. С тех пор корейцы не ищут больше ни корня, ни денег, а ищут побольше братьев¹.

¹ Обычай побратимства широко распространен у корейцев и очень чтится. (Прим Н. Г. Гарина-Михайловского.)

3. Восьми-несчастный

У человека восемь счастья: счастливая могила предков; хорошая жена; долголетие; много детей; много хлеба; много денег; много братьев; образование. Но есть люди, которые не обладают ни одним из этих счастья, и тогда они называются восьми-несчастливыми – Пхар-ке-боги.

Одним из таких и был Ниноран-дуи, которого даже жена бросила.

И все ж таки случилось однажды так, что Ниноран-дуи встретил женщину по имени Дю-си, – молодую, красивую, богатую, которая полюбила Ниноран-дуи. И Ниноран-дуи полюбил Дю-си. Но так как несчастья восьми-несчастливых передаются и тем, кто любит их, то и для Дю-си встреча с Ниноран-дуи не прошла даром, – ее торговые дела пошли плохо, ее скот падал, поля ее не приносили больше урожая.

Все это кончилось тем, что, когда однажды Дю-си проснулась, она не нашла больше подле себя своего любимого Ниноран-дуи, она нашла только письмо его. Он написал ей, что, несмотря на то, что он любил ее всеми силами своей души, он оставляет ее, так как ничего, кроме несчастья, он не может ей дать.

Дю-си, прочитав письмо, горько заплакала, потому что она любила Ниноран-дуи, а не свои богатства, которые она с этого момента возненавидела; раздав их нищим, она ушла

из тех мест, где жила.

Она шла по долине, плакала и думала: «Если бы у меня было столько хлеба, чтобы накормить всех голодных, и столько денег, чтобы дать всем, кто в них нуждается, тогда не было бы больше горя на земле!»

Когда она так думала, она вдруг увидела перед собой едущего на быке красивого сильного человека, увешанного цветами и обвитого колосьями. Он остановил быка и сказал ей:

– Полюби меня, будь моей женой.

– Я люблю уже одного восьми-несчастливого и никого, кроме него, любить не могу. Но если желаешь, будем братом и сестрой, – отвечала Дю-си.

Они побратались по обыкновению их страны: надрезав себе пальцы, кровью написали свои имена, каждый на поле своей одежды, затем, отрезав написанное, обменялись, и, спрятав это у себя на груди, каждый отправился своей дорогой.

Утомившись от пути, Дю-си вошла отдохнуть в хлеб, прилегла там и заснула. Во сне она увидела белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сказал ей: «Тот человек, которого ты встретила на быке и с которым побраталась, был я. Я – дух долины. Я знаю твое желание. Вот тебе мешочек с рисом, – одного зерна довольно, чтобы самый большой котел наполнился рисом. И сколько бы ты ни брала из этого мешочка рису, он никогда не истощится!» Сказав это, старик исчез, а Дю-си проснулась. Около нее лежал маленький

мешочек с рисом.

Взяв мешочек, она пошла дальше.

Долина кончилась, и Дю-си стала подниматься на перевал высокой горы. Там, на вершине перевала, рос прекрасный густой лес, посередине которого стоял шалаш. Молодой красивый дровосек сидел в шалаше перед огнем очага и кипятил воду в котле.

– Что ты положишь в эту воду? – спросила Дю-си после приветствия, остановившись у входа в шалаш.

– Я ничего не могу положить в эту воду, – ответил дровосек, – потому что у меня нет ни чумизы, ни рису.

Тогда Дю-си вошла в шалаш, достала из мешочка одно зерно рису и бросила его в котел.

Котел сейчас же наполнился до верха рисом, и дровосек с Дю-си вполне насытились этой пищей.

После ужина дровосек сказал Дю-си:

– Полюби меня, и будем мужем и женой.

– Я не могу полюбить тебя, – отвечала ему Дю-си, – потому что люблю своего мужа, восьми-несчастливого, но если хочешь, будь моим братом.

Дровосек согласился, и они побратались.

Вскоре после этого наступила ночь, и Дю-си крепко заснула. Она увидела во сне белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сидел верхом на громадном тигре.

– Дровосек, ужинавший с тобою в шалаше, был я. Я – дух гор. Я знаю твое желание: вот возьми этот кусок золота, и

сколько бы ты ни отрубала от него, золото у тебя никогда не будет уменьшаться!

Старик исчез, а Дю-си проснулась. Не было больше дровосека, ни шалаша, а около нее лежал кусок золота.

– Теперь я знаю, что мне делать, – сказала Дю-си, вставая, – я выстрою на этом месте целый город! Ко мне будут приходить со всех сторон все голодные и все те, кому нужны деньги, и в числе их я найду и своего восьми-несчастливого.

Так и сделала Дю-си. К ней приходили все нищие, все голодные или нуждающиеся в деньгах. Ожидания ее исполнились, – однажды пришел к ней ее муж Пхар-ке-боги.

Когда увидела его Дю-си, она бросилась к нему и упрекала его, что он ее покинул. Пхар-ке-боги, узнав Дю-си, был, конечно, тоже счастлив. Дю-си взяла с него клятву в том, что он не покинет ее и не уйдет от нее больше. После этого они зажили очень счастливо, кормя и поя всех проходящих к ним нищих.

Однажды у Дю-си вышли все деньги, и за ними необходимо надо было ехать в другой город, чтобы разменять золото на деньги.

Дю-си дала свой кусок золота мужу и просила его, чтобы он нарубил побольше кусков и обменял их на деньги, чтобы не ездить часто в город и не разлучаться.

Пхар-ке-боги навьючил осла золотом и отправился с ним в город.

По дороге необходимо было переехать ручей, а так как

Ниноран-дуи был восьми-несчастный, то и случилось, что как раз в это время пошел сильный дождь, превративший малый ручеек в громадную реку, в которой и потонул при переправе осел вместе с золотом.

– Нет! – вскричал в отчаянии несчастный, – так не может дольше продолжаться: слишком много уже несчастий я приношу собой этой женщине! Или я спасу, ее золото, или погибну и сам вместе с ним!

Он бросился в воду и утонул. Дю-си долго ждала Ниноран-дуи и, наконец, не вытерпев, пошла сама его отыскивать.

Когда она подошла к ручью, вода в нем спала, и это был опять маленький ручеек. На берегу она увидела и лежащее золото и мертвого Ниноран-дуи. Ничто больше не могло утешить Дю-си. Она шла и плакала. Она плакала о своем дорогом восьми-несчастном и о всех несчастных и всех восьми-несчастных. Когда силы ее оставили, она села и так умерла плача, а от ее слез в этом месте протек ручей, который и называется «ручей слез». Один купец ехал в город по делам, сбился с дороги и попал как раз в то место, где лежала мертвая Дю-си. Увидав женщину, он, по обычаю своей страны, в знак уважения, слез с лошади и прошел мимо нее пешком. Проходя, он заметил, что женщина неподвижна, а подойдя ближе и убедившись, что она мертвая, вырыл могилу и похоронил ее. Вскоре затем он нашел опять свою дорогу, благополучно приехал в город и удачно кончил все свои дела. Приписывая удачу встрече с похороненной им женщиною,

он на обратном пути снова заехал на ее могилу и, по обычаю своей родины, помянул ее. После этого он, по приезде домой, рассказал домашним и знакомым о случившемся с ним происшествии и своей удаче в делах. Другие купцы, его товарищи, ездившие в город по делам торговым, тоже посетили могилу Дю-си и помянули ее. И их постигла удача. Купцы из других местностей, узнав об этом, также завертывали на могилу Дю-си и тоже получали удачу в своих делах.

Однажды какой-то несчастный случайно попал на могилу Дю-си. Он горько плакал о своем горе и так и заснул на могиле. Во сне ему явилась прекрасная молодая женщина, вся в белом, и плакала вместе с ним, и, утешая его, говорила:

– Напейся из этого ручья, – вода в нем чистая, потому что источник его – слезы за несчастных. Когда ты напьешься, уменьшится твое горе, потому что ты полюбишь всех других несчастных, как любила их та, слезы которой образовали этот ручей!

Стали ходить на могилу Дю-си другие несчастные, и слава о могиле Дю-си росла все больше и больше.

Согласно законам страны был поставлен на ее могиле памятник с надписью: «Добродетельной женщине».

А слава все растет и растет и будет расти, потому что та, которая спит в этой могиле, любила несчастных, а их все больше и больше на свете.

4. Кучи Кантхегана

Во время царствования династии Цумуан жил близ реки Туманган в городе Ауди восьмидесятилетний старик Кантхеган.

Он был предсказатель и знал, что прожил только половину своей жизни. Он был очень учен, хотя занимался всегда сельским хозяйством. Но когда ему минуло восемьдесят лет, он бросил все дела и только занимался тем, что с удочкой в руках ходил на реку и удил рыбу, но, так как на удочку он не клал никакой приманки, рыба не ловилась. Так продолжалось три года.

– Ты выживший из ума старик, и я не хочу с тобой жить. Давай мне развод.

Кантхеган согласился и дал жене развод.

Но потом произошло вот что:

Царь, узнав, что какой-то старик уже три года ловит рыбу без приманки, заинтересовался им и призвал его к себе.

– Зачем ты три года ловишь рыбу без приманки?

– Потому что я знал, что ты призовешь меня.

Царь разговорился с ним, узнал его ученость, мудрый ум и сделал его первым министром.

Тогда бывшая жена его пришла к нему и стала просить, чтобы он опять взял ее к себе.

– Нет, – ответил Кантхеган, – друга для хороших дней я

всегда найду, а в мои трудные дни ты не была мне другом. Но так и быть, я для тебя кое-что сделаю.

И он приказал сложить возле дороги кучу камней с надписью: «Прохожий, вспомни о моей жене, скажи – дрянная женщина – и плюнь».

С тех пор кореец, проходя мимо такой кучи, всегда плюет и говорит:

– От дрянной женщины.

Впрочем, женщины корейские не верят этой легенде, и кучи камней, которых очень много по дорогам, объясняют тем, что камень этот корейцы стаскивают со своих каменистых полей, а чтобы им веселее было таскать, они и тешат себя всякими глупостями.

5. Художник

Жил в Корее художник Ким-тон-чуни.

Он был знаменит, но мечтал о большем.

Однажды приснился ему восьмидесятилетний белый старик и сказал ему:

– Есть небесная река. Она нежнее неба и светлее земной самой чистой воды. Чтобы видеть ее течение, надо все ночи проникать в небо, и цвет, который начинается за тем местом, где падает красноватый отблеск Ориона, и есть цвет той реки. Срисуй ее, и такая картина даст счастье всей Корее. Но она будет тебе стоить жизни.

Проснувшись, Ким с нетерпением ждал ночи и искал цвет небесной реки.

Сперва он ничего не мог разобрать. Небо было то темное, и тогда оно было синее и только около звезд, крупных, как капли росы, оно словно бледнело и таяло. То всплывала луна, обвитая нежным сиянием Ориона, и в блеске луны меркли звезды и бледнело небо.

Но все это было не то, пока после долгого напряжения не уловил Ким иных, словно движущихся частичек неба.

И он изощрил свое зрение до того, что мог видеть в небе то, чего никто из смертных не видел еще.

И когда так неподвижно сидел Ким, говорили, что душа его отделялась от его тела и уходила гулять на небо.

Тихо подвигалась работа Кима.

Месяцы, годы проходили.

Однажды сидел так Ким, смотря в небо, и оставалось последний блеск уловить, как вдруг перестал он видеть и небо и все окружающее.

Ким ослеп, и когда утром пришли к нему, то нашли его уже мертвым.

А картину его отнесли к императору, и тот созвал ученых и спросил:

– Что это значит?

Ученые долго совещались и ответили императору:

– Это ничего не значит.

И картину бросили в архив.

Но один китайский мудрец сказал богдыхану:

– В Корее знаменитый художник Ким нарисовал картину: ее непременно за какие бы то ни было деньги надо купить.

Богдыхан послал в Сеул, и, когда корейский император узнал, зачем послы приехали, он отдал им картину за тысячу кеш (два рубля).

Со взятками корейским министрам. она обошлась в тридцать тысяч кеш (шестьдесят рублей).

– На что вам эта дрянь? – спросили корейские министры, пряча деньги в свои широкие карманы.

– На что? А дайте-ка сюда удочку.

И когда удочку поднесли к картине, из нее выскочила живая рыбка.

– Видели? – спросили китайцы. – Вы продали счастье вашей страны.

И с тех пор Китай стал богатеть, а Корея пошла книзу и дошла до той нищеты, в которой теперь находится.

6. Пак

Жил-был на свете бедный юноша, по имени Пак. У него не было ни отца, ни матери, ни родных. Жил он тем, что срезал серпом высокую болотную траву, растущую у озера, и продавал ее на топливо. Он давал траву, а ему давали немного чумизы. Однажды, когда Пак срезал траву, выбежал к нему из чащи олень и сказал человеческим голосом:

– Спрячь меня, Пак, – за мной гонится охотник!

– Куда я тебя спрячу? – сказал Пак.

– Спрячь меня в этом стоге травы, который ты накопил.

Пак спрятал оленя, прикрыв его и его рога травой. Скоро сюда прибежал и охотник и грозно спросил Пака:

– Где олень?

Пак его нисколько не испугался и в свою очередь спросил охотника:

– Олень, что такое олень?

Охотник не стал больше и разговаривать с человеком, который никогда не видел и не знает, что такое олень, а побегал дальше.

– Ну, спасибо тебе, – сказал олень, – постараюсь и я тебе услужить! Тебе минуло сегодня как раз шестнадцать лет, ты совершеннолетний, а потому пора подумать и о женитьбе. Кстати, сегодня же в это озеро, всегда раз в год, спускаются восемь небожительниц, чтобы купаться в нем. Укройся в

кусты и смотри, какая тебе больше всех понравится, – той юбку возьми и спрячь и, помни, не отдавай ей юбку назад, несмотря на все ее просьбы, раньше того, как у вас будут трое детей! Помни еще одно: если я тебе зачем-нибудь понадобится, только крикни меня, до трех раз: «Олень, зову тебя!»

Сказав это, олень скрылся в лесу, а обрадованный Пак спрятался в кусты. И была пора, потому что, только он успел укрыться, как восемь прекрасных девушек, в белых одеждах, спустились к озеру. Спустившись, они разделись и стали купаться, играя между собой в прозрачных водах озера.

Пак выбрал себе самую младшую и осторожно спрятал ее юбку. Сейчас же после этого одна из девушек тревожно сказала:

– Как будто человек тут близко – лучше улетим отсюда!

И все девушки сейчас же бросились к берегу, оделись и исчезли в облаках. Только восьмая осталась, нигде не найдя свою юбку. Тогда показался из-за кустов Пак и сказал ей:

– Юбку твою я взял, потому что я полюбил тебя и хочу, чтобы ты была моей женою, если ты согласна?

Она была согласна, потому что Пак был тоже красив и нравился ей, но она попросила назад свою юбку. Пак не дал, и они стали мужем и женой.

Когда пришла ночь, жена спросила у мужа:

– А где же твой дом?

– Мой дом? Вот мой дом, – и он показал на камыши, на озеро. – Крыша моя – голубое небо. Стены – эти горы, а уще-

лье это – мое окно.

И Пак подвел ее к ущелью, в котором, как в панораме, все в ковровых уборах, уходило вдаль все горы Кореи.

– Дом хорош, – сказала жена, – но, когда идет дождь, твоя крыша протекает?

– Так, – ответил Пак, – но, когда он проходит, платье мое просыхает, и я греюсь у огня великого солнца!

– Дом хорош, – повторила молодая жена, – но не совсем.

Разговаривая таким образом, они заснули прямо на поляне, а на другой день Пак, счастливый, проснулся в большой, богатой фанзе. Он встал и вышел на двор и здесь увидел, что фанза его покрыта черепицей; большой двор с постройками; амбар, полный чумизой и рисом, а под навесом стоял огромный корейский бык и лениво жевал кукурузные зерна.

– Это тебе мой свадебный подарок! – сказала жена и на всякий случай спросила: – Не отдашь ли мне теперь мою белую юбку?

– Нет, нет, моя милая жена, – ответил он, – не отдам.

И стали они жить весело и счастливо.

Прошло несколько лет. У них уже было двое сыновей, когда однажды жена Пака опять попросила мужа вернуть ей юбку. И Пак согласился, рассуждая, что жена его любит и, наконец, куда же она уйдет теперь от своих детей? И он отдал ей ее юбку. Но, проснувшись на другой день, он увидел только свое озеро! Жена, дети, дом с постройками, всегда полный амбар с хлебом – все это исчезло, как сон. Огорчен-

ный Пак вскричал тогда:

– Буду я после этого верить женщинам!

Но это было, конечно, слабое утешение. К его счастью, он тут же вспомнил об олене и громко позвал его, три раза крикнув:

– Олень, зову тебя!

Олень немедленно явился перед ним и сказал:

– Лучше было бы для тебя, Пак, если бы ты хорошенько помнил слова мои. Но, так и быть, я помогу тебе. Вот возьми эти три тыквенных зерна, посади их сейчас же, и завтра они вырастут до неба. По ним ты взберешься на небо при условии, если не будешь оглядываться вниз!

Олень исчез, а три зерна на другой день действительно выросли до неба. И Пак полез на небо, но, позабыв опять приказания оленя, посмотрел вниз, и тыквы сразу исчезли, а Пак полетел на землю. Хорошо, что было еще невысоко и он не поломал себе рук и ног. Оставалось одно: опять позвать оленя. Олень явился и на этот раз сердито сказал:

– Однако же ты, Пак, плохо слушаешь приказания! Даю тебе еще три таких же зерна, но помни, это последние, и больше ты меня не увидишь!

Пак посадил опять три тыквенные зерна в землю, а наутро, когда тыквы-деревья опять выросли до неба, Пак полез и вниз больше не оглядывался, пока не добрался до неба.

Взобравшись туда, Пак присел отдохнуть на голубую землю; невдалеке он увидел прекрасную фанзу с обширными

пристройками, амбарами, с громадными садами, обнесенными забором. Отдохнув, Пак полез через забор в сад и, к великой радости, увидел там своих двух любимых сыновей. Дети, подбежав к нему, обрадовались, поздоровались и побежали к матери, весело крича ей:

– Отец пришел, отец наш пришел!

Мать не поверила и печально ответила им:

– Как может ваш отец прийти с земли на небо?

Но, увидав мужа, она обрадовалась и сказала:

– Не сердись на меня, ты сам виноват, я любила и люблю тебя по-прежнему, но это была воля отца моего, чтобы я требовала свою юбку, ты же не должен был давать ее.

В это время вышел из фанзы старик; это и был отец жены Пака.

– Вот мой муж, – сказала дочь отцу и подвела мужа к своему отцу.

Старик не очень обрадовался новому зятю.

– Муж-то муж! – ворчал он, – вот он умудрился взобраться на небо; пусть-ка умудрится на землю слезть! Что говорить, ловкий парень! А все-таки дочь мою тебе не увести так просто отсюда назад, на землю. Должен ты будешь сперва угадать мои две да одну загадку моего старшего зятя, вот когда все мои молодцы вернутся с работы у Оконшанте². А чтобы не терять времени, я начну тебя испытывать; вот я спрячусь, а ты отыщи меня.

² Начальник небесного сада. (Прим. Н. Г. Гарина-Михайловского.)

– Когда выйдешь во двор, – шепнула жена Паку, – увидишь петуха, который роется в навозной куче, – это и будет отец.

Пак вышел на двор, увидел петуха и говорит ему:

– Что вам за охота, тещюшка, рыться в навозе?

Петух преобразился в отца жены и сказал:

– Ну что ж, на этот раз угадал, как-то в другой раз угадаешь?

– Теперь он будет черным жирным боровом, вот там, за этим амбаром, – прошептала жена Паку.

Пак зашел за амбар и говорит черному борову:

– Что вам за охота, тещюшка, свой собственный амбар подрывать?

В то же мгновение боров превратился опять в тестя.

– Хорошо, и на этот раз угадал ты. Как-то справишься со старшим моим зятем!

Скоро пришли мужья и всех остальных семи дочерей старика, который и предложил старшему задать какую-нибудь загадку Паку.

– А вот я пушу стрелу из лука, – сказал старший зять, – а он, Пак, пусть не позволит ей упасть ни на небо, ни на землю...

– Ничего, справимся, – шепнула жена мужу.

И, как только старший зять выпустил стрелу, жена Пака в то же мгновение обратилась в кречета и подхватила стрелу. Старший зять, видя это, в свою очередь превратился в орла

и пустился за кречетом. Видит кречет, что не спасишься ему от орла, выпустил стрелу на землю, как раз в том месте, где в это время проходил сын одного предводителя дворянства.

– Ну, все равно, – сказал старший зять, превратившийся опять в человека, – стрела моя упала на землю, и жены мы тебе не отдадим!

– Скажи, что не на землю упала стрела, а попала в затылок сына предводителя дворянства, – шепнула жена Паку.

– Ну, в таком случае, – сказал опять старший зять, – поговору ты должен стрелу передать мне в руки, а потому иди на землю и принеси ее мне.

– Проси у них лошадь, – шепнула жена. – Когда тебе будут давать красивых лошадей, ты проси маленькую, мохнатую, горбатую – уродца-лошадь; она стоит в заднем стойле.

Так Пак и сделал, несмотря на все насмешки и остроты старика и зятьев, что его выбор пал на такого уродца-коня, никому ненужного. А конь-то этот и был конь удивительный: как только Пак сел на него, сейчас же конь спустился легко и спокойно с неба, прямо к дому предводителя дворянства. Там, по случаю смерти сына, все были в глубоком трауре и громко плакали.

– В чем дело? – спросил плачущих Пак.

– Да вот был у нас сынок живой, веселый и здоровый, а вот только что перед тобой упал и лежит мертвый!

Никто из родных не заметил стрелы, потому что она была очень тонка и вся ушла в тело молодого дворянина.

– Ну хорошо, – сказал Пак, – ваш сын не умер, я оживлю его, но для этого уйдите все и оставьте меня одного с ним.

Оставшись, он осторожно вытащил тонкую стрелу, и покойник тотчас же ожил. Поднялась в доме радость и веселье. Пак хотел в тот же день уехать назад на небо, но обрадованные родители не отпускали такого дорогого гостя и три дня пировали с ним. На четвертый день Пак сказал, что ему необходимо ехать; распрощавшись с гостеприимными хозяевами, сел на своего мохнатого коня-уродца и скрылся в облаках.

– Ну, вот твоя стрела, – сказал он старшему зятю.

Делать было нечего, надо было покориться уговору и отпустить Пака с женою на землю. Но все родные стали уговаривать Пака остаться здесь, жить на небе.

– Что тебе делать на земле? – говорили они. – Ни родных, ни друзей у тебя нет там. А здесь, коли останешься с нами, мы пристроим тебя на службу к Оконшанте, и будешь доволен.

Подумал Пак, посоветовался с женою, и порешили они остаться навсегда жить на небе.

В ожидании места Пак ездил пока с женою, которая была на службе у Оконшанте. Они ездили на драконе, и жена его из мраморного флакончика выливала дождь, где он нужен был на земле. Когда они летели над Кореей, Пак, показывая, говорил жене:

– Вот Корея! Это Сеул, а это провинция Пиандо, а вот,

смотри, и наше милое озеро! Как оно высохло с тех пор: налей же побольше воды в него из флакона!

Жена исполняла его просьбу, но он просил ее не скупиться. Она лила еще, но Паку все было мало; он отнимал у нее флакон, пока, шутя и играя так, однажды они уронили флакон. Он упал в жерло вулкана, который и потух от того, а в его кратере образовалось озеро Великого Дракона, из которого и потекли с тех пор три реки: Амнока, Туманган и Сунгари. Великий Оконшанте не прогневался на свою любимицу – жену Пака, но он отстранил ее от дела и не дал никакой службы ее мужу.

Он сказал:

– У них довольно и без того дела.

А дело их было – любить друг друга.

Так и до сих пор живут Пак и жена его на небе.

7. Добродетельная жена

Один человек выкрал себе жену, и ушел он с ней на Амноку рыбачить. И жили на Амноке. Пока муж был здоров, все шло хорошо, потому что они любили друг друга. Другой раз нет рыбы, – ну, покрепче прижмутся друг к другу, чтобы меньше есть хотелось, и уснут. Но простудился раз муж на реке и свалился. Тогда плохо пришлось им: нет рыбы, нет чумизы, нет денег знахаря позвать. Лежит муж и говорит:

– Если б мне теперь рыбки съесть, я бы выздоровел, а без рыбы умру.

Ничего ему не ответила жена и ушла на реку.

Сидела, сидела – нет рыбы.

Тогда она взяла нож, вырезала из своей ноги длинный кусок мяса, пришла домой, изжарила и подала мужу.

– Я никогда не ел такой вкусной рыбы, – сказал муж, – как ты поймала ее?

– Я сидела на берегу и просила небо и морского царя, и рыба выскочила из воды ко мне на берег.

– Ах, – сказал муж, – я уже наполовину ожил, еще бы одну такую рыбку, и совсем бы я выздоровел. Не попросишь ли ты еще одну?

– Попробую, – сказала жена и опять пошла и вырезала себе кусок мяса из второй ноги.

Муж съел и сказал:

– Ну теперь я совсем здоров: никогда я не ел такой вкусной рыбы.

Муж выздоровел, а жена его день ото дня таяла. Муж никак не мог понять, в чем дело, когда однажды увидел у спавшей жены кровь на ногах, посмотрел и увидел страшные раны. Тогда он понял, откуда жена доставала ему рыбу, и от горя болезнь опять возвратилась к нему, и через три дня он умер.

Собрав последние силы, жена продала все, похоронила мужа и осталась одна во всем свете на помеху всем.

Она пошла к реке и бросилась в нее.

Но она не утонула: с неба спустилась в воду радуга, по ней сошел муж ее, подал руку, и оба они, уже здоровые и счастливые, ушли в небо, к великому Оконшанте.

После того в той округе, где жила утопленница, три года был голод, пока один предсказатель не сказал, проходя, жителям:

– Вы до тех пор не избавитесь от голода, пока не поставите в честь утонувшей установленного для добродетельных женщин памятника.

Тогда жители обратились через губернатора к императору и, получив от него разрешение и грамоту, воздвигли установленный по закону памятник в честь добродетельной жены.

С тех пор округа не знает голода, и старик, показывая ребенку на стоящий у горы памятник, говорит:

– Если тебе попадется такая жена, она составит и твое счастье и всех живущих в ее округе.

8. Отгадчик

Было два товарища: Тори (камень) и Тутеби (жаба).

Это имена, которыми называли их в детстве...

Тутеби был сын знатных родителей, а Тори – сын простых.

Тутеби был способный, а Тори – простак и увалень.

Тутеби часто дразнил Тори, но любил его.

Когда они кончили ученье, Тутеби сказал Тори:

– Ничего, что ты не знатного рода, я помогу тебе сделать карьеру.

Вот что сделал Тутеби:

Когда отец его ушел в гости, он спрятал любимую саблю отца.

Когда отец возвратился и узнал о пропаже, он чуть не убил сына.

Но сын сказал:

– Не печалься, отец, у меня есть товарищ, который обладает необыкновенным даром угадыванья.

Затем он пошел к Тори и сообщил ему, что он сказал отцу. Не забыл он сообщить и то, где спрятана была сабля.

Когда отец Тутеби позвал Тори, то на вопрос:

– Можешь ли ты угадать, где моя сабля?

Тори ответил:

– Могу.

И показал, где сабля была спрятана.

Отец Тутеби дал ему денег и обещал протекцию.

В это время у китайского императора пропала государственная печать, и китайский император писал корейскому императору, прося его, если у него есть угадчик, прислать немедленно к нему.

Отец Тутеби рассказал тогда корейскому императору про Тори.

– Надо сперва его проэкзаменовать, – сказал император.

Когда Тори привели, император сказал ему, указывая на закрытую шкатулку:

– Ну-ка, угадай, что в этой шкатулке?

– О, Тутеби! – вздохнув, с упреком сказал Тори, – Да, тутеби, – сказал император и показал всем запертую в шкатулке жабу.

– Этот годится, – сказал император и приказал Тори отправляться к китайскому императору.

«Ну, теперь я совсем пропал, – думал дорогой Тори, – и китайский император срубит мне башку. Ай да Тутеби, хорошо ты мне удружил».

Подъезжая к Пекину, Тори сел отдыхать под деревом.

На дереве сидела птичка и пела: «Чи-чу, чи-чу» И с тех пор только и повторял Тори: «Чи-чу, чи-чу».

Когда его привели к императору, то он так уверен был в своей смерти, что на вопрос: «Где государственная печать», ответил только:

– Чи-чу, чи-чу.

И вдруг один из придворных упал на колени и признался, что это действительно он похитил печать.

Дело в том, что фамилия этого придворного как раз была «Чи-чу».

– Действительно, – сказал император, – ты мастер угадывать, и я оставлю тебя при своем дворе.

Тори вовсе не обрадовался этому, потому что рано или поздно обнаружилось бы его незнание.

Поэтому он стал проситься домой, ссылаясь на то, что там его жена и родные.

– Это до меня не касается, – сказал император.

– Но до меня это касается, – рассердился Тори. – И всему причиной этот мой нос, которым чую я, где что спрятано. Так не хочу же я его!

И Тори одним взмахом отрезал себе нос.

– Ну, теперь я такой же дурак, как и вы все, – сказал он.

Император хотел было его казнить, но передумал и отпустил домой.

Над Тори смеялись потом, но он считал, что отделаться от китайского императора только носом – это небольшая еще плата за знакомство с ним.

9. Нен-мои

Болото фиалок

Жил в Сеуле один государственный оценщик по имени Шо-сын-дуй. Он был очень бедный. Однажды он шел по улице и увидел одного юношу по имени Ни-тонон, который кричал:

– Торади, торади (салатный корень)! Одна кеша за пучок!

Шо-сын-дуй, как оценщик, узнал сейчас, что это не торади, а драгоценный жень-шень.

– Я покупаю у тебя всю корзину, неси за мной.

Ни-тонон принес в его дом корзину и, так как в ней было сто пучков, то и получил за них сто кеш.

Затем Шо-сын-дуй накормил его обедом и отпустил домой, сказав ему на прощанье:

– Если у тебя есть еще такой корень, приноси, я весь куплю.

– Есть, сколько хочешь, – мы и не садим его, а он задавил весь наш огород.

– Неси весь.

Ни носил ему целый месяц, пока переносил все, и Шо набил этим корнем все свои кладовые.

Распродав корень, Шо выручил тридцать миллионов лан.

Он спросил Ни:

– Из кого состоит твое семейство?

– Мать да я, – отвечал Ни.

– Если хочешь, я отдам за тебя свою дочь.

– Так что ж, – согласился Ни, – отдавай.

Ни с матерью поселились у Шо и сыграли свадьбу. Но Ни был очень прост, и молодая жена обижалась на него.

– Люди твоего возраста играют в кости, ухаживают за танцовщицами, а ты, как мешок, все сидишь дома.

И тесть сказал ему:

– Да, это верно: ты пошел бы повеселился. Вот тебе сто лан (что составляет десять тысяч кеш).

Ни пошел в город, обошел его весь и возвратился, истратив всего две кеша, которые заплатил за две съеденные чашки лапши.

Жена была в отчаянии, что ей попался такой муж, который не может истратить больше двух кеш.

Но постепенно Ни привык. Он уже тратил по тысяче лан в один вечер.

Тогда тесть сказал ему:

– Ты уже истратил десять тысяч лан. Теперь поезжай в Китай, купи там китайского шелку, и мы сделаем хорошее дело.

И тесть дал ему на покупку десять миллионов лан. Ни взял деньги, поехал в Китай и отдал деньги первой попавшейся танцовщице.

Затем с пустыми руками возвратился домой.

– Что ты сделал, мой сын?

– Отдал деньги танцовщице, но если ты дашь мне еще десять миллионов лан, я куплю шелк.

Тесть дал ему.

Ни уехал в Китай и опять отдал деньги той же танцовщице.

Возвратившись домой, он сказал:

– Деньги я опять отдал танцовщице, но если ты теперь дашь мне десять миллионов лан, я куплю шелку.

У Шо денег не было больше. Он взял тайно из государственной казны десять миллионов и отдал их зятю.

Ни уехал и опять передал деньги той же танцовщице.

– Ну, – сказал он ей, – теперь прощай, больше не увидимся.

– Ты мне делал такие щедрые подарки, – сказала ему танцовщица, – что и я хотела бы подарить тебе что-нибудь на память.

Она открыла все свои драгоценности и сказала:

– Выбирай.

В углу сундука лежал простой синий камень, величиной с кулак, с четырьмя дырочками: одна побольше, три поменьше.

– Да вот этот камень и дай, – сказал Ни.

– Твое счастье, – ты выбрал самую ценную вещь мою. Вот видишь надпись на камне: «Тинан»? Стоит только сказать это слово, и все, что ты ни пожелал бы, исполнится.

Ни поблагодарил, взял камень и пошел домой.

Когда Ни близко подходил к своему дому, он встретил веселую компанию мужчин и танцовщиц, которые и угостили его.

В ответ и Ни захотел угостить их. Он ударил по камню, и из камня вышла девушка Тинан, и Ни сказал:

– Я хочу, чтоб на этом месте вырос дворец и в нем было бы прекрасное угощение.

Тинан ушла в камень, а вместо нее вышли три старика с тыквами.

Ударил один старик в тыкву, и вырос великолепный дворец. Другой ударил, и появилось все хозяйство и рабы. Третий ударил, и появилось всевозможное угощение.

Начался пир и продолжался три дня, пока один приятель Ни, проходивший мимо, не сказал ему:

– Из-за тебя твой тесть сидит в тюрьме.

– А за что он сидит в тюрьме?

– Сидит за то, что позаимствовал из государственной казны десять миллионов лан и не уплатил. Теперь же, с процентами, составилось уже тридцать миллионов лан.

Тогда Ни оставил пиршество, приказал Тинан убрать все назад и пошел в Сеул.

Дома его встретила голодная и оборванная жена. Так как за домом некому было смотреть, то дом весь развалился.

– Ты привез шелк?

– Ничего я не привез, а деньги отдал танцовщице.

– Бедный отец погибнет в тюрьме.

– Не надо было меня учить тратить деньги. Лучше будем есть, – сказал муж.

– У меня ничего нет, – ответила жена.

Тогда он пошел в тюрьму, к тестю.

– Купил шелк?

– Нет, я отдал деньги танцовщице. Дом твой развалился, и теперь нам нечего есть.

– Да, я твой должник, – сказал тесть, – вот возьми мое платье, продай и купи себе пищу.

– Ты лучше скажи, куда деньги внести за тебя и сколько?

– Откуда у тебя деньги?

Ни рассказал тогда.

Деньги Ни внес, и тестя освободили.

На месте же их дома вырос целый дворец, где каждый день оделяли бедных деньгами и хлебом.

Тогда в городе стали говорить, что Ни и его тесть, наверно, кого-нибудь обокрали, иначе откуда появились бы у них такие богатства.

Молва эта дошла до императора.

– Может, он и не украл, – сказал императору первый министр, – но человек с таким богатством, да еще мотающий деньги на бедных, опасный для государства человек, и лучше весь его род уничтожить.

Император не спорил, и стража отправилась забирать в тюрьму Ни, его тестя и его жену.

Но, когда окружили дворец, Ни вызвал Тинан и приказал ей унести и дворец и их всех куда-нибудь подальше от таких мест, где сильным или умным людям рубят головы за то, что они помогают бедным.

Тинан ушла в камень, а из камня вышли три старика.

Первый ударил в тыкву, и дворец приподнялся на воздух, второй ударил, и дворец поднялся до облаков. Третий ударил в свою тыкву, и дворец скрылся из глаз.

Выбрал ли Ни на земле место для своего дворца и, выбрав, уже устроился там, или, может быть, так и остался на небе – этого никто не знает. На том же месте, где был его дворец, теперь – болото. На этом болоте весной цветут фиалки, и называется это болото Нен-мои – болото фиалок.

10. Чапоги

При императоре Сук-цон-тавани жил один бедняк Ким-ходури. Он занимался тем, что рубил дрова и продавал их.

В день он рубил три вязанки, – две продавал, а одну вязанку сжигал сам.

Но вот, с некоторого времени, стала пропадать одна вязанка дров. С вечера нарубит три вязанки дров, а наутро их оставалось только две.

Думал бедняк, думал и решил рубить по четыре вязанки. Тогда четвертая стала пропадать.

– Ну, хорошо, – сказал себе бедняк, – вора я все-таки поймаю.

Когда пришла ночь, он залез в четвертую нарубленную вязанку и ждал. Среди ночи вязанка вместе с бедняком поднялась и полетела прямо на небо.

Пришли слуги Оконшанте, развязали вязанку и нашли там Кима-ходури.

Когда его привели к Оконшанте, тот спросил его, как он попал на небо. Ким-ходури рассказал как и жаловался на свою судьбу.

Тогда принесли книги, в которых записаны все живущие и их судьбы, и сказал Оконшанте:

– Да, ты действительно Ким-ходури, и не суждено тебе есть чумизу, но всегда хлебать только пустую похлебку.

Заплакал Ким и стал просить себе другой судьбы. Он так плакал, что всем небожителям и самому Оконшанте стало жаль его.

– Я ничем в твоей судьбе не могу помочь тебе, – сказал он, – но разве вот что я могу сделать: возьми чужое чье-нибудь счастье и, пока тот не придет к тебе, пользуйся им.

Оконшанте порылся в книгах и сказал:

– Ну, вот возьми хоть счастье Чапоги.

Поблагодарил Ким, и в ту же минуту служители Оконшанте спустили его на землю в то место, где стояла его фанза.

Ким лег спать, а на другой день пошел к богатому соседу и попросил у него сто лан взаймы и десять мер чумизы.

Прежде Киму и зерна никто не поверил бы в долг, но теперь счастье Кима переменялось, и сосед без всяких разговоров дал ему просимое. На эти деньги Ким занялся торговлей и скоро так разбогател, что стал первым богачом в Корее.

Все ему завидовали, но Ким один знал, что счастье это не его, а Чапоги. И он с трепетом каждый день и каждую ночь ждал, что придет какой-то страшный Чапоги и сразу отнимет все его счастье.

– Я убью его, – сказал себе Ким, – и приготовил нож, меч и стрелы, напитанные ядом.

Однажды мимо дворца Кима шли двое нищих: муж и жена.

Во дворе дворца стояла телега, и муж и жена спрятались под нее от солнечных лучей.

Там, под телегой, пришло время родить бедной женщине, и рожденного мальчика назвали они Чапоги, что значит найденный под телегой.

– Кто там кричит так громко под телегой? – спросил Ким, выходя во двор.

– Это Чапоги кричит, – ответили ему слуги.

Ким так и прирос к земле.

«Так вот откуда пришла расплата: не страшный человек, а маленький, беззащитный, голый от нищеты ребенок, – подумал Ким. – Нет, его не убивать надо, а лучше вот что я сделаю: я усыновлю этого Чапоги и, как его отец, буду и вперед продолжать жить на счастье своего сына».

Так Ким и сделал, и если не умер, то и до сих пор живет счастливо и богато, как отец рожденного под телегой.

11. Знаем!

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:

– Знаем, знаем!

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

– Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, – сказал человек, – то поднимешься на один аршин от земли, на две пуговицы – до полунеба улетишь, на три – совсем в небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

– Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо.

А жена его бежала и кричала: «Смотрите! смотрите: мой муж летит!» Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела все в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он превратился в орла, а она в рыбку.

И это, конечно, еще очень хорошо для таких разинь, как они.

12. Два патриота

Жили-были на свете два предсказателя: кореец То-шен и китаец Цхо-ирен.

– Надо посмотреть, что делает мой брат, – сказал корейский предсказатель и пошел на китайскую сторону.

Шел, шел и видит, стоит гора, на горе костер горит, и китаец разрывает чью-то могилу.

– Зачем тырываешь могилу? – спросил кореец.

– А ты сперва поздоровался бы, корейский предсказатель.

– Откуда ты знаешь, кто я?

– Хорошему предсказателю следовало бы все знать, – ответил китаец.

Понял корейский предсказатель, что перед ним китайский предсказатель, и, ничего не сказав, присел, закурил трубку и стал смотреть, что из всего этого выйдет.

Вырыв могилу, китаец вытащил из нее наполовину сформировавшихся двух драконов и бросил их в огонь.

Затем, закурив трубку, присел возле корейского предсказателя и сказал:

– Теперь видел, зачем я рыл могилу? Если бы эти драконы сформировались и улетели в небо, то большой вред был бы от того китайскому государству.

– Да, ты ученее меня, и я хотел бы у тебя поучиться, – сказал кореец.

Китаец согласился учить его и повел своего ученика по горам, объясняя счастье каждой. Так дошли они до реки Амноки, пятнадцать верст выше города Вивена. Река Амнока, как известно, граничит Китай и Корею.

– Вот видишь здесь, на китайском берегу, эту гору. Она называется Цари-сачи. Она похожа на сосуд цари, в котором мы едим лапшу. Теперь посмотри на корейскую сторону: та гора не напоминает ли тебе чего-нибудь?

– Она похожа на гири-тан, сосуд, в котором мы выпариваем наш хлеб.

– Гора та так и называется. Одна гора без другой бессильна, но вместе нет счастливее этих гор на свете. Тот род, который похоронил бы здесь своих предков, имел бы счастье, какого еще не имел ни один, рожденный землею. Но все несчастье в том, что горы эти принадлежат разным государствам, и, пока так будет, от этих гор никакому государству толку не будет.

И, оказав это, китайский предсказатель заплакал от огорчения.

Утерев слезы, он продолжал:

– Здесь мы с тобой расстанемся. Я не желаю зла ни тебе, ни твоей стране, и ты сейчас увидишь это, потому что я тебе скажу секрет, как сделать, чтобы страна твоя процветала. Вот он: в вашей провинции Ханхади есть гора Пян-сан. Если на вершине ее поставить три камня и перекрыть их плитой, то великое благоденствие будет для страны.

То-шен поблагодарил товарища, простился с ним и возвратился домой.

Сейчас же он пошел и поставил на Пян-сане три камня и перекрыл их плитой.

Но прошло три года, и оказалось, что Цхо-ирен коварно обманул товарища. За все три года во всей Корее не родилось ни одного ребенка.

– Ну, хорошо же, – сказал То-шен, – и я же удружу твоей стране.

То-шен отправился для этого на Пектусан, из озера которого Танхаги вытекает китайская река Хын-нен-ган. У истоков этой реки То-шен устроил ца-он-хим, что значит само-работающая толчея.

Результатом этого было то, что в последующие три года и у китайских женщин не родилось ни одного ребенка.

Тогда Цхо-ирен пришел к богдыхану и, рассказав ему все, сказал:

– Думаю, что это происки корейского предсказателя.

Китайский император приказал немедленно вытребовать То-шена в Пекин.

Когда То-шен приехал, его встретили очень ласково, а Цхо-ирен просил у него прощения.

– Мириться, так мириться, – сказал То-шен, и он рассказал, что он устроил против счастья Китая.

Послали на Пектусан, разрушили толчею, и в ту же минуту все китайские женщины родили.

– Ну, теперь, – сказал китайский император, – рубите скорее обоим предсказателям головы.

То-шену и Цхо-ирену отрубили головы и издали закон, чтобы и впредь всякому, кто будет заниматься делами своей родины, рубить голову.

С тех пор, правда, и китайские и корейские женщины рожают исправно, но дела обоих государств идут все хуже и хуже.

13. Небесная подруга

Был один благочестивый сын, который так ухаживал за своими родителями, что у него не было даже времени жеманиться.

И отца и мать на старости лет разбил паралич, и так как они были бедные, то, усадив их в ручную тележку, сын возил их, прося для них милостыню.

Так прошла вся его молодость, и, когда старшие умерли, он и сам уже был немолодым человеком.

Чтобы похоронить родителей с почетом, сын продался на десять лет в рабство и, получив все деньги вперед, истратил их на пышные похороны, а затем отправился в город, где жил его новый господин.

По дороге он встретил женщину невиданной красоты.

Женщина остановила его, сказала, что боится идти одна, и попросила проводить ее.

Дорогой она так обворожила его, что он полюбил ее, как только мог.

Когда пришло время разлуки, женщина спросила его, отчего он такой грустный?

Тогда он сказал:

– Судьба разлучает меня со всеми, кого я люблю. Родители, которых так любил я, ушли в небо, теперь ты уходишь от меня.

– Если хочешь, я останусь с тобой.

– Как могу я хотеть этого? Ты молодая, невиданная красавица, а моя жизнь уже позади меня.

– Любовь возвратит тебе молодость, – сказала женщина.

– Но не возвратит мне свободы, – я раб.

– Что ж, и я пойду с тобой в рабство.

Когда он привел ее к своему господину, тот спросил женщину, что она может делать?

– Я могу ткать шелковое полотно.

– Сколько аршин в год ты можешь ткать?

– Я могу в год ткать триста кусков.

– В каждом куске сорок аршин, – триста кусков обыкновенная женщина, если бы она, не разгибая спины, могла ткать двести лет, и то не выткала бы того, что ты хочешь соткать в месяц.

– Я сказала, – ответила ему женщина.

– Если ты выполнишь сказанное, то, по совести, я через год и тебе и мужу твоему возвращу свободу.

Мужа заставили месить глину для черепицы, а жену посадили ткать шелк. Работа мужа была утомительная, и, когда приходила ночь, он не мог пошевелинуть пальцами. Но приходила жена, всегда веселая, и ободряла его.

Прошел год, и женщина принесла господину триста кусков шелкового полотна.

– Вы оба свободны, – сказал господин.

Когда муж и жена вышли за город, муж был так изнурен,

что не мог идти; он сел и сказал жене:

– Чем больше я смотрю на тебя, тем больше убеждаюсь, что ты особенный человек, – такой красоты, такой доброты, ума, силы и преданности не может быть у обыкновенного человека, и ты любишь меня, жалкого умирающего раба?

– Да, ты не ошибся, и теперь я открою тебе всю правду. Я жительница неба и служу всемогущему Оконшанте. Я создана из лучших качеств твоей души. Время пришло, и, если хочешь, дай твою руку, и мы поднимемся с тобой на небо, к великому Оконшанте, к твоим родителям. Там возвратится твоя молодость, и, счастливый, ты забудешь со мной все горести земли.

– О да, я хочу!

И он протянул ей руку и вместе с ней навсегда исчез в голубых лучах неба.

14. Благородный муж

Ким-бо-реми был женат на молодой красивой женщине Чон-си.

Ким-бо-реми часто отлучался и оставлял жену одну.

Один школьник, сын министра Ни-сын-тая, влюбился в Чон-си.

С помощью одной старушки, которой он хорошо платил, он объяснился молодой женщине в любви и просил у нее свидания.

Но Чон-си отказала.

Тогда молодой повеса лег в постель, и старушка сказала Чон-си, что он умирает от любви к ней и умрет совсем, если она не разрешит ему прийти к ней.

Тогда Чон-си разрешила, и повеса стал ходить в ее дом, а брат мужа Чон-си послал короткое письмо ее мужу: «Приезжай: несчастье».

Когда Ким приехал, брат встретил его, рассказал все, и они пошли к дому Кима.

Оставив брата за забором, Ким перелез в дом, посмотрел в дверь жены и, возвратившись, сказал:

– Ты ошибся, – она одна и спит.

Затем, попрощавшись с братом, Ким сделал вид, что уехал назад по делам.

Но, когда брат ушел, он возвратился, потому что повеса

был в комнате его жены.

И он и жена Кима уже спали. На столике стояла еще суля, которой жена угощала своего любовника.

Ким осторожно разбудил молодого повесу. Когда тот проснулся, Ким оказал:

– Ты видишь, я мог бы убить тебя. Но ты молод и по своим способностям обещаешь многое. Вот суля, выпьем.

Когда юноша выпил, муж спросил:

– Любишь ли ты так мою жену, чтобы взять ее себе в жены? Если любишь, я дам развод, женись.

– Она мне не пара, – сказал юноша.

– Тогда выпей еще, – сказал муж, – и уходи, и больше никогда к ней не приходи, потому что я так люблю ее, что, как видишь, взял ее себе в жены.

Юноша выпил, обещал больше не приходить и сдержал свое слово.

Когда юноша ушел, вышел и Ким, не разбудив своей жены.

Он сел на лошадь и уехал по своим делам.

Он месяц не возвращался, а возвратившись, застал жену счастливую его прибытием.

Он нежно обнял ее и никогда не дал ей понять, что знает ее тайну.

15. Охотники на тигров

В провинции Хан-зондо, в городе Кильчу, лет двадцать назад существовало общество охотников на тигров. Членами общества были все очень богатые люди. Один бедный молодой человек напрасно старался проникнуть в это общество и стать его членом.

– Куда ты лезешь? – сказал ему председатель, – разве ты не знаешь, что бедный человек не человек: ступай прочь.

Но тем не менее этот молодой человек, отказывая себе во всем, изготовил себе такое же прекрасное стальное копьё, а может быть, и лучше, какое было у всех других охотников.

И когда они однажды отправились в горы на охоту за тиграми, пошел и он.

На привале у оврага он подошел к ним и еще раз попросил их принять его.

Но они весело проводили свое время, и им нечего было делать с бедным человеком; они опять, насмеявшись, прогнали его.

– Ну, тогда, – оказал молодой человек, – вы себе пейте здесь и веселитесь, а я один пойду.

– Иди, сумасшедший, – сказали ему, – если хочешь быть разорванным тиграми.

– Смерть от тигра лучше, чем обида от вас.

И он ушел в лес. Когда забрался он в чащу, он увидел

громадного полосатого тигра. Тигр, как кошка, играл с ним: то прыгал ближе к нему, то отпрыгивал дальше, ложился и, смотря на него, весело качал из стороны в сторону своим громадным хвостом.

Все это продолжалось до тех пор, пока охотник, по обычаю, не крикнул презрительно тигру:

– Да цхан подара (принимай мое копьё)!

И в то же мгновение тигр бросился на охотника и, встретив копьё, зажал его в зубах. Но тут, с нечеловеческой силой, охотник просунул копьё ему в горло, и тигр упал мертвый на землю.

Это была тигрица, и тигр, ее муж, уже мчался на помощь к ней.

Ему не надо было уже кричать «принимай копьё», он сам страшным прыжком, лишь только увидел охотника, бросился на него.

Охотник и этому успел подставить свое копьё и в свою очередь всадил ему его в горло.

Двух мертвых тигров он стащил в кусты, а на дороге оставил их хвосты.

А затем возвратился к пировавшим охотникам.

– Ну, что? Много набил тигров?

– Я нашел двух, но не мог с ними справиться и пришел просить вашей помощи.

– Это другое дело: веди и показывай.

Они бросили пиршество и пошли за охотником. Дорогой

они смеялись над ним:

– Что, не захотелось умирать, за нами пришел...

– Идите тише, – приказал бедный охотник, – тигры близко.

Они должны были замолчать. Теперь он уже был старший между ними.

– Вот тигры, – показал на хвосты тигров охотник.

Тогда все выстроились и крикнули: «Принимай мое копье!»

Но мертвые тигры не двигались. Тогда бедный охотник сказал:

– Они уже приняли одно копье, и теперь их надо только дотащить до города: возьмите их себе и тащите.

16. Законные и незаконные дети

Прежде и в Корее были законные и незаконные дети, но вот с каких пор все дети стали законными.

У одного министра не было законного сына, и согласно обычаю он должен был усыновить кого-нибудь из своего законного рода, чтобы передать ему свои права и имущество.

Выбор его пал на племянника.

В назначенный день, когда собрались для этой церемонии в доме министра все знаменитые люди и прибыл сам император, вышел к гостям незаконный десятилетний сын хозяина, держа в руках много заостренных палочек.

Каждому из гостей он дал по такой палочке и сказал:

– Выколите мне глаза, если я не сын моего отца.

– Ты сын.

– Тогда выколите мне глаза, если мой двоюродный брат сын моего отца.

– Но он не сын.

– Тогда за что же вы лишаете меня, сына моего отца, моих прав?

– Таков закон, – ответили ему, – и по закону ты незаконный.

– А может быть, не я, а закон незаконный?

– А все может быть.

– Кто пишет законы? – спросил мальчик.

– Люди, – ответили ему.

– Вы люди? – спросил мальчик.

– Мы? – гости посоветовались между собой и ответили: –

Люди.

– От вас, значит, – сказал мальчик, – зависит переменить неправильный закон.

Тогда император сказал:

– А ведь мальчик не так глуп, как кажется, и почему бы действительно нам и не переменить несправедливый закон?

И закон переменили, и с тех пор в Корее нет больше незаконных детей.

17. Еще добродетельная женщина

Во дворце императора с незапамятных времен стоит каменный стол. И вот однажды на этот стол, прямо с неба, упала каменная рюмка. Но когда император хотел ее взять со стола, то не смог этого сделать. Он позвал своих министров, но и те не могли. Тогда император назначил всем министрам три дня сроку, чтобы решить, в чем тут дело. В противном случае все министры будут казнены.

К счастью, в Сеуле гостил в то время знаменитый предсказатель, который объяснил, в чем дело.

– Взять рюмку может только та женщина, которая всегда была верна своему мужу.

Так и доложили императору, и он приказал вызвать всех женщин, верных своим мужьям.

Некто Юн-цанани, услышав это, страшно обрадовался.

– Вот теперь, – кричал он, бегая по улице, – все убедятся, что единственная честная жена во всем государстве – моя!

Но сестра Юна позвала его и сказала:

– Я кой-что тоже понимаю в предсказаниях и должна тебе сказать, что все это только ловушка. На самом же деле требуется женщина, у которой муж по счету будет девятым, которого она любит.

– Вот как, – сказал разочарованный муж.

И он пошел к своей жене и рассказал ей печальную но-

вость.

– Главное, то обидно, что, говорят, император приготовил очень ценный подарок, и таким образом мы бы сразу разбогатели. Так хорошо все устраивалось, и вдруг, оказывается, требуется женщина, любящая сразу девять человек.

– А бонзы люди? – спросила нерешительно жена.

– Люди, – а что?

– В таком случае утешься, – подарок наш.

– Как? – вскричал муж.

Но в это время вошла его сестра, и он замолчал, чтобы не обнаруживать скандала, а сестра, уведя его, сказала, что, справившись, она убедилась, что ошиблась, и требуется действительно женщина, верная своему мужу.

О том, как муж поступил потом со своей женой, история умалчивает, но факт тот, что с тех пор Юн-цанани, как все благоразумные мужья, молчал о добродетелях своей жены.

А между тем в назначенный день все улицы Сеула, вся площадь были наполнены всеми без исключения замужними женщинами, которые пришли перед небом и людьми доказать свою невинность.

Была и жена Юна, но за теснотой не могла пробиться вперед, а стояла со многими другими в каком-то глухом переулке.

Когда император проснулся и узнал, что собрались все замужние женщины, он был очень доволен процветанием нравственности в государстве.

Однако в назначенный час никто не подходил к столу с рюмкой, и каждая в свою очередь очень любезно уступала более старшей. Таким образом очередь легко могла дойти и до императрицы, а может быть, и до бунта.

Но вдруг показалась пожилая женщина, вся в белом, как полагается носящей траур.

Несмотря на тесноту, она свободно прошла к столу и, присев, подняла руки к небу и сказала:

– Небо, ты свидетель моих слов, – девятнадцати лет я овдовела. Я была верна мужу при его жизни, осталась ему верна и до сих пор.

Затем она поднялась, подошла к столу и взяла в руки рюмку.

Рюмка качнулась, но не отделилась от стола.

Тогда вдова задумалась, опять присела и сказала:

– Действительно: раз в жизни, встретив красивого человека, я с вожделением посмотрела на него.

Затем вдова опять встала, подошла к столу, взяла рюмку, и рюмка отделилась от стола. Вдова получила ценный подарок, но женщины оспаривали, говоря:

– Мы не знали, что вожделение в счет не идет.

18. Женское любопытство

Там, где Амноку с китайского берега сжали скалы Чайфуна и отвесными стенами спустились в нее с высоты, Амнока, обходя эти горы, делает десять ли вместо одной ли прямой дороги. И вот почему.

Одна женщина подсмотрела, как дракон хвостом прорубал эти скалы, чтобы пропустить Амноку прямой дорогой, и крикнула:

– Смотрите, смотрите, что там делает дракон!

Но при ее крике дракон улетел в небо, а Амнока теперь заставляет пловцов кружиться там, где они могли бы ехать прямо, если бы не праздное любопытство женщины, помешавшей дракону сделать задуманное им доброе дело.

19. Наказание

Жил-был один искатель мест для счастливых могил.

Семь лет он учился для этого у бонз и, кончив учение, зарабатывал себе на пропитание своим ремеслом.

Умирая, он сказал своему сыну:

– Я не оставляю тебе богатства не потому, что растратил его, а потому, что никогда и не было его у меня. Но самую счастливую гору я не показывал никому и сберег для своего рода; это одна из тех исключительных гор, которая даст потомку зарытого там императорскую корону. Вот что я оставляю своему роду. Когда вступишь на престол, поставь на моей могиле большой памятник, чтобы, пока живы люди, поминали они того, кто положил основание новой династии. Когда я умру, ты должен похоронить меня совершенно голым, затем не забудь высыпать в мою могилу двадцать мер чумизы и жди.

Сказав, где именно находится счастливая гора, искатель счастливых гор умер.

Когда наступило время похорон, все родные и друзья возмутились, когда сын покойного объявил, что хочет похоронить отца голым.

– Разве он нищий был? Да и нищий, имея детей, знает, что хоть в рабство продадутся они, а достанут денег, чтобы одеть и похоронить как следует отца.

Тогда, не одевая отца, сын только обернул его труп в дорогое шелковое покрывало и так и похоронил его.

Через несколько лет после этого случился голод и чума, и народ стал роптать против царствовавшей династии.

Тогда сын искателя счастливых могил объявил себя императором и вступил с толпой недовольных в Сеул.

Против него выступили сторонники династии, произошло сражение, и царствующая династия, победив, захватила сына искателя счастливых могил в плен.

Когда его подвергли пыткам, он признался, что побудило его домогаться престола.

Послали на могилу его отца, развели, прежде чем открыть могилу, огонь и нашли в могиле уже образовавшегося дракона, которому подняться в небо мешало только шелковое покрывало, обертывавшее его тело. Что до чумизы, то из каждого ее зернышка сделалась голова воина, но несчастное покрывало не допустило их сформироваться вполне и идти на помощь своему повелителю, сыну искателя счастливых могил.

Дракона тут же бросили в костер, а головы воинов побили камнями. Сына же искателя счастливых могил казнили как мятежника и бунтовщика против существующей династии.

20. Ловкий стрелок

Один молодой человек, прожив все, что оставил ему отец, решил идти в Сеул, попытать счастья на службе.

Перед уходом он помолился на могиле предков и пошел к предсказателю.

– Ты должен, – сказал предсказатель, – если хочешь получить хорошее место, придя в Сеул, носить самую вонючую грязь.

Придя в Сеул, молодой человек, ленивый ко всякой работе, на этот раз исполнил в точности приказание предсказателя.

Но из этого ничего, однако, не вышло.

Тогда с горя, подражая местным франтам, он нарядился и купил себе лук, хоть и не умел стрелять.

Накинув лук на плечи, он, как настоящий охотник, отправился за городские ворота стрелять.

Встретив за городом человека, несшего лебедя, он за сто кеш купил этого лебедя, проткнул ему глаз стрелой и с этим лебедем пошел назад в город.

Когда он проходил мимо дома одного министра, министр этот позвал его и спросил, как это случилось, что стрела попала прямо в глаз.

– Я всегда стреляю только в глаз, – ответил молодой шалопай.

Министр спросил его неспроста: над домом министра поселился филин, а, как известно, соседство такой птицы никогда не бывает к добру.

И вот министр спал и видел, как бы убить филина.

Как раз так случилось, что в это время все три его сына, отличные стрелки, как это и подобает людям высшего света, были в далекой отлучке.

Кроме сыновей, у министра была еще невеста-дочь.

Министр стал спрашивать молодого человека, из какого он роду, и когда молодой человек сказал, то оказалось, что род его в свое время был в славе в Корее, а с отцом молодого человека министр был даже товарищем.

– Тогда я буду говорить с вами откровенно, – сказал министр, – убейте филина и берите за себя мою дочь.

– Жаль, что вы просто не попросили меня подстрелить этого негодного филина, а теперь от счастья жениться на вашей дочери я так взволнован, что боюсь промахнуться и не попасть в глаз. А между тем если я не попаду именно в глаз, это будет такой позор, которого я не переживу, потому что однажды сгоряча, – горячность мое большое несчастье, – я дал клятву иначе, как в глаз, не стрелять.

Пока министр сожалел, что так поторопился, молодой человек придумал выход.

– Я думаю, – сказал он, – самое лучшее так устроить. Считайте вашего филина убитым, – мы сыграем свадьбу, и, когда я немного успокоюсь от счастья, я не замедлю убить его

на самом деле.

Министр вдвойне обрадовался, как тому, что зять у него будет прекрасный, лучший в городе стрелок, так и тому, что он такой находчивый молодой человек.

Желая все-таки поскорее отделаться от страшного филина, министр поспешил со свадьбой, и, когда прошел медовый месяц молодых, стал приставать к зятю относительно филина.

Зять придумывал тысячи отговорок, но, наконец, тесть настоятельно потребовал исполнения обещания и назначил срок до утра следующего дня.

Спрашивает дочь министра у своего мужа:

– Отчего ты такой грустный?

Подумал молодой человек, подумал и признался жене, что он вовсе не охотник.

Тогда жена посоветовала ему поступить так: окупить клею, сварить его и, вымазавшись им, залезть ночью на крышу. Филин прилетит, выберет его, как самое высокое место на крыше, присядет и приклеится ногами и перьями своими.

Так и поступил молодой человек, поймал филина, а наутро принес его с проколотым стрелой глазом к тестю.

Тесть страшно обрадовался и рассказал всему городу, какой его зять стрелок.

Поэтому, когда пришел годовой день стрельбы в цель, когда лучшие стрелки получают похвальные листы от самого императора и называются «дишандари», весь город пошел

смотреть, как отличится зять министра.

И сыновья министра, лучшие стрелки, к этому времени приехали в Сеул.

– Что вы? – говорил им отец. – Вот посмотрите, как он стреляет.

– Что ж я теперь буду делать? – сказал муж жене.

– Вот что надо делать: скажи, что ты дал клятву стрелять только в глаза птиц или зверей. А если, на твое несчастье, подвернется какая-нибудь птица, я пошлю тогда, когда ты натянешь лук, подтолкнуть тебя, как бы нечаянно, а ты рассердись и дай клятву, что после этого, пока живешь, стрелять не будешь.

Так и сделал на другой день знаменитый охотник: сказал, что иначе, как в глаз, не стреляет, и отказался на этом основании стрелять в цель.

Но когда в небе показался вдруг лебедь, то уже нельзя было не стрелять.

В то мгновение, однако, как он натянул свой лук, раба его жены, проходя, толкнула его.

Тогда молодой человек притворился взбешенным, упрекал тестя в том, что он распустил своих слуг, и в бешенстве, изломав лук, дал тут же страшную клятву никогда больше не прикасаться к луку.

Но стрела тем не менее попала в лебедя, и, когда его принесли, все увидели, пораженные, что она торчала в глазу убитого лебедя.

Молодому человеку дали первую награду и объявили первым стрелком всего государства.

Это помогло ему сделать карьеру, и впоследствии и он был таким же министром, как и его тесть.

21. Конфуций

Однажды Конфуций, с тремя тысячами учеников своих, проходил по одной долине, посреди которой росло фруктовое, все в фруктах дерево, а по обеим сторонам дерева сидело по женщине и ели фрукты с дерева.

Сидевшая на западной стороне была красива, белая с лица и стройна, сидевшая с восточной стороны была желта и не так красива.

– Вот действительно красивая женщина, – сказал Конфуций, указывая на женщину с западной стороны.

– Но, когда тебе придется в шиповенный бус с девяносто отверстиями продеть нитку, ты вспомнишь не о западной, а о восточной женщине.

– Она не красива, – сказал Конфуций, – и, кажется, к тому же тронутая умом.

Когда Конфуций пришел ко двору богдыхана, тот, передавая ему колючую бусу с девяносто отверстиями, сказал:

– Если ты действительно мудр, вдень так нитку, чтоб прошла она через все эти девяносто маленьких дырочек.

Тогда Конфуций вспомнил о женщине, сидевшей с восточной стороны, и пошел к ней.

Он нашел ее под тем же деревом, тогда как женщины Запада больше не было.

– Я действительно пришел к тебе просить помощи.

Тогда женщина взяла бусу, обмакнула ее в мед, затем взяла маленького муравья, привязала к нему тонкую шелковую ниточку и оставила муравья и бусу. Муравей стал есть мед и, вползая в дырочки, тащил за собой нитку, пока не прошел таким образом все девяносто отверстий.

Конфуций удивился мудрости женщины и ее проницательности.

– Ты угадала, о чем спросит меня богдыхан, ты разрешила такую трудную задачу: кто ты? где ты училась?

– Я нигде не училась, а знаю все, потому что я служительница неба и послана к тебе, потому что небо желает, чтобы его избранник, Конфуций, ответил бы на все вопросы, которые во все времена могут задавать друг другу люди.

И, сказав, женщина на глазах Конфуция поднялась в небо.

А Конфуций упал на землю и так пролежал всю ночь. И он думал. И то, что он передумал в эту ночь, на то обыкновенный смертный должен употребить тысячу жизней.

22. Династия Ли

Пятьсот лет тому назад на корейский престол вступила и ныне царствует династия Ли.

Вот как это случилось.

В провинции Ха-нюн, в округе Коигн жило два рода: Ли и Пак. Ли в деревне Сорбои, Пак – в деревне Намбои.

И Пак и Ли были богатыри.

Богатырем называется человек, рожденный от женщины и священной горы: Мен-сан-сорги.

Луч (сорги) священной горы проникает в женщину, и через двенадцать месяцев рождается богатырь, который немедленно после рождения улетает, потому что он рождается с крыльями. Следов этого рождения не остается никаких. Родители богатыря должны в строгой тайне сохранять рождение богатыря, иначе он не явится к ним с священной горы, где живет и упражняется в искусстве битвы, в минуту опасности или во время войны.

Маленький богатырь прилетает невидимкой и кормится грудью матери. Но мать не знает, когда именно он выпивает ее молоко.

Одна глупая мать из города Тан-чен, когда у нее родился богатырь, прежде чем улетел он, обрезала ему крылья. Сын вырос, из него вышел невиданный силач, он подымал вола с его ношей, но он был и глуп, как его вол, тогда как небо

приготовляло ему славную судьбу богатыря.

Таковыми богатырями были Ли и Пак, когда народ выбирал себе новую династию.

Тогда к богатырю Ли явился во сне покойный его отец и сказал:

– В третью ночь, при луне, на озере Цок-чи-нуп будут драться два дракона, синий и желтый. Ты выпусти стрелу в синего, потому что он отец Пака, а желтый – я.

Так и сделал Ли. Тогда раненый синий дракон бросился в Туманган, а желтый устремился рекой, которая с тех пор и протекает из озера Цок-чи-нуп в Туманган и называется Цок-чи.

Таким образом богатырь Ли одолел Пака и был первым императором из династии Ли.

В деревнях Сорбои и Намбои до сих пор сохраняются памятники двух богатырей. Они стоят под китайскими черепичными павильонами, а в этих павильонах мраморные мавзолеи, на которых рукой самих богатырей написаны, не высекая мрамора, а прямо пальцами, их славные дела.

23. Вторая легенда о царствующей в Корее династии

Жили на свете когда-то два знаменитые искателя счастливых могил: Ни-хассими и Тен-гами.

Однажды они отправились вместе разыскивать для самих себя счастливую гору.

Они пришли в провинцию Хамгиендо и там, близ Томана, разыскали счастливейшую гору в Корее.

Но они еще точно не определили счастливейшее место на горе для могил и, ничего не решив, легли спать.

Проснувшись на другое утро, они увидели недалеко от себя маленькую водяную птичку, которая выкрикивала: «Симгедон».

Сварив чумизы, они поели и встали, и, как только они встали, вспорхнула и птичка и, крича «симгедон, симгедон», полетела впереди.

Так звала она их, пока не пришли они к одному месту горы, где сидели две совершенно одинаковые старушки и ткали холст.

Как только путники подошли, старушки сейчас же скрылись.

– Это, конечно, и есть счастливейшие места, – сказали искатели.

Оставалось только решить, кому где похоронить своего предка.

Ночью они оба увидели своих предков, которые им сказали:

– Тот, кто похоронит своего предка между местами, где сидели старухи, род того будет царствовать первый, и династия того продержится на престоле четыреста четыре года. А кто зароет пониже своего предка, тот сменит эту династию. Бросьте между собой жребий.

Так и сделали искатели, и первое место досталось Ни-хассими.

Однако в роду Ни-хассими первые четыре поколения после того рождались все уроды: хромые, горбатые, слепые, идиоты, и только в пятом колене родился умный и сильный, от которого родился знаменитый Ни-шонги, основатель и теперь царствующей династии Хон-дзонг-та-уан-ни-си.

Вот при каких обстоятельствах родился он.

Отец его, заподозренный царствовавшим тогда императором, суровым и жестоким, в мятеже, чуть не был казнен и только тем, что укрылся в провинции Хамгиендо, в город Ион-хын, спасся от смерти.

Но и там, не чувствуя себя в безопасности, удалился в ближайшие горы и там жил во владениях некоего Хан-цямбою.

В одну ночь приснилось Хан-цямбою, что прилетел синий дракон и поцеловал его дочь.

Утром Хан-цямбой отправился осматривать свои владе-

ния и наткнулся на спящего человека.

Помня сон и увидя, что человек этот не женат, Хан-цамбой отдал за него свою дочь, и через двенадцать месяцев она родила богатыря Ни-шонги.

Как богатырь, Ни-шонги родился бесследно и до двадцати восьми лет рос на святых горах, обучаясь военному ремеслу вместе с двумя названными братьями Пак-хачун и Тундуран.

Пак был старший, Ни – второй, а Тун – младший по годам из них.

Когда Ни кончилось двадцать восемь лет, к нему во сне явился дед его и сказал (то, что уже оказано в легенде о Ли и Паке).

После этого все три богатыря отправились в Сеул.

Царствовавший тогда император дошел до предела своей жестокости.

Когда приближенные к нему люди предупреждали его о накопившемся раздражении в народе, он отвечал, что скорее родится лошадь с рогами и у сороки вырастет белый гребешок на голове, чем раздражится корейский народ.

Но через несколько дней прилетела к его дворцу сорока с белым гребешком, а немного погодя у лучшей его лошади родился рогатый жеребенок.

Но император ответил:

– Прежде лопнет этот чугунный столб, чем лопнет терпение моего народа.

Но ночью был небывалый мороз, и наутро лопнувший чугунный столб валялся на земле.

В это же утро подошли три богатыря к столице с войсками, и императорское войско, бросив императора, от которого отвернулось небо, вышло из городских ворот навстречу богатырям.

Оставленный всеми император бежал в горы, где и погиб.

Три же богатыря вошли в столицу, и народ предложил им, по соглашению между собой, занять вакантный трон.

Тогда, как старший, хотел сесть Пак. Но два дракона, образующие сидение трона, приблизились друг к другу, и Пак не мог сесть.

Так продолжалось до трех раз, и народ предложил сесть Ни.

Ни сел, и драконы не двинулись.

Ни сделался императором, а Пак ушел в провинцию Хамгиендо и скрылся там в монастырь.

Ни, боясь Пака, послал стражу в этот монастырь и приказал:

– Если Пак действительно поступил в монастырь и остригся, то оставьте его, иначе убейте.

Стража пришла в монастырь и нашла Пака остриженным.

Император Ни, пока Пак жил, посылал в этот монастырь каждый год триста дан (в каждой дане пятнадцать мер рису, что составляет около полутора тысяч наших пудов).

После смерти Пака его изображение сделалось священ-

ным и до сих пор сохраняется в монастыре Шоханса.

Второй привилегией монастыря было бить розгами всякого корейца, который провинится против монахов этого монастыря.

Монахи этого монастыря и до наших дней пользуются славой самых грубых и дерзких людей.

24. Легенда о бобре

Происхождение ныне царствующих маньчжурской и корейской династий

В провинции Хон-чион, в округе Хориен, в деревне Оце-ами, жил Цой (предводитель дворянства), и у него была молодая дочь Цой-си (дочь Цоя).

Однажды, проснувшись, она ощупала возле себя какого-то мохнатого зверя, который сейчас же уполз.

Она зажгла лучину, но в комнате никого не оказалось.

Она рассказала об этом родителям, и, после долгого совещания, было принято следующее решение. Если еще раз зверь придет, то она, притворившись спящей, привяжет к его ноге конец клубка длинной шелковой нитки.

Так Цой-си и поступила.

Когда настал день, то ниточка привела отца Цой-си к озеру, которое называется Хан-тон-дзе-дути.

Нитка уходила под воду, и когда отец потянул за нитку, на поверхности всплыл бобер, опять нырнул и больше не появлялся, а нитка оторвалась.

Через десять месяцев Цой-си родила мальчика, цветом кожи до того желтого, что его называли Норачи (рыжий).

Он вырос, был нелюдим и кончил тем, что, женившись, поселился на озере своего отца, потому что бобер и был его отец. Он любил воду и плавал, как и отец его, бобер.

Однажды родоначальник рода Ни-чай (родоначальник теперешней маньчжурской династии), из Когнского округа, деревни Сорбой, увидел во сне, что из озера, где жил бобер, вылетел в небо дракон, а явившийся в это время белый старик сказал ему:

– Это умер бобер. Кто опустится на дно озера, где стоит дворец бобра, и положит кости отца своего в правой комнате от входа, тот будет китайским императором, а чьи кости будут лежать в левой комнате, тот будет корейским.

Проснувшись, Ни-чай вырыл кости своего отца и с Тонгамой (зарыватель костей) и костями отца отправился к озеру Хан-тон-дзе-дути.

Но так как Ни-чай не умел плавать, то он и просил Норачи положить кости его отца во дворец бобра. При этом Ни-чай обманул Норачи.

– Я открою тебе все, – сказал Ни-чай, – там две комнаты: правая и левая. Чьи кости будут лежать в правой, тот будет корейским императором, а чьи в левой – китайским. Положи кости отца своего в левой, а с меня довольно будет и корейской короны.

Так Ни-чай хотел обмануть Норачи. Но Норачи поступил как раз наоборот, а на вопрос Ни-чай, зачем он так сделал, сказал:

– Для твоего же рода лучше так, а мне просто больше понравилась правая комната.

Ни-чай должен был помириться с своей долей и просил

Норачи о вечной дружбе между их родами. Норачи согласился.

Прошло еще время, и у Норачи родились один за другим три сына.

Третий, Хан, имел страшное, волосами обросшее лицо, а взгляд такой, что на кого он смотрел, тот падал мертвый.

Поэтому он никогда не выходил из комнаты и всегда сидел с закрытыми глазами.

Ни-чай умер, а сыну его приснился сон, что в колодце, близ озера Хан-тон-дзе-дути лежит китайская императорская сабля. И опять белый старик сказал ему:

– Владелец этой сабли – китайский император.

Поэтому, проснувшись, сын Ни-чая отправился к озеру, нашел там колодезь, а в нем саблю.

Так как все уже называли Хана будущим повелителем Китая, то сын Ни-чая задумал убить его этой саблей.

Пользуясь дружбой отцов, он пришел к Норачи и стал просить его показать ему Хана.

Напрасно Норачи отговаривал его, представляя опасность. Сын Ни-чая настаивал, и в силу дружбы Норачи не мог ему отказать.

Но, когда сын Ни-чая вошел в комнату Хана и тот открыл глаза, хотя и не смотрел ими на гостя, сын Ни-чая так испугался, что положил саблю к ногам Хана и сказал:

– Ты император, тебе и принадлежит эта сабля.

Хан, ничего не ответив, закрыл глаза, а Норачи поспешил

вывести своего гостя из комнаты сына.

– Я знаю своего сына, – сказал Нурачи, – спасайся скорее. Я дам тебе его лошадь, которая вышла к нему из озера и которая бежит тысячу ли³ в час.

Сын Ни-чая вскочил на эту лошадь и скрылся, когда с саблей в руках вышел из своей комнаты Хан.

– Где тот, кто принес эту саблю? – спросил он отца.

– Он уехал.

– Надо догнать его и убить, чтобы преждевременным оглашением не испортил он дело.

Хан хотел сесть на свою лошадь, но оказалось, что на ней-то и исчез гость.

– Тогда нельзя медлить ни минуты!

И, собрав своих маньчжур, Хан двинулся на Пекин. Он и был первым императором из маньчжуров. Он настроил множество крепостей, и камни для них из моря подавал Натхо, тот самый Натхо, который выбросил камни для знаменитой китайской стены. А когда спросили, кто из моря подает камни, Натхо только на мгновение высунул свою страшную голову из воды.

Художник, бывший здесь, успел все-таки срисовать его, и с тех пор голова Натхо, вместе со священной птицей Хаги (аист), служит украшением входов в храм.

³ Ли – приблизительно треть версты. (Прим. Н. Г. Гарина-Михайловского.)

25. Ловкий человек

Один богатый человек сделал такое объявление через глашатаев:

«Все мое состояние и мою единственную красавицу дочь отдам тому, кто представил бы соответственные доказательства того, что он ловкий человек».

Один молодой охотник явился на вызов.

– Принеси мне в месячный срок сто тигровых шкур, – сказал ему отец девушки.

Молодой охотник отправился на тигровую гору.

– Не ходи туда, – сказали ему люди, – там теперь их царь и с ним тысячи тигров.

– Мне это и надо, – ответил молодой охотник и пошел в гору.

Когда царь тигров, в несколько раз больший, чем обыкновенные тигры, увидел его, он остолбенел от наглости этого человека.

– Что же мне с ним сделать? Изорвать его в клочки или прямо живьем проглотить?

– Проглотить его живьем, – посоветовали тигры. И царь проглотил охотника живьем.

Этого только и желал охотник.

Как только охотник очутился в желудке царя, он, чтобы обезопасить себя, прежде всего связал веревкой выход в

кишки. А затем он стал царапать ножом печень царя.

Тогда царь сделался злой и сказал тиграм:

– А мне все равно, на ком ни срывать свой гнев!

И стал убивать тигров.

И каждый тигр кричал: «Пощади».

А охотник считал голоса и, когда насчитал до ста, всадил нож в сердце царя тигров, а затем, распоров его живот, вышел.

Таким образом тесть его получил сто шкур и, убедившись, что молодой человек ловок, выдал за него свою дочь.

26. Выгодный оборот

Одному молодому человеку нравилась одна вдова, которая, после смерти мужа, три года жила в своей фанзе и никуда не выходила.

Он все думал, как бы ему жениться на ней.

Однажды отец сказал ему:

– Вот тебе тысячу лан: иди и торгуй.

Молодой человек взял тысячу лан, пошел к фанзе вдовы, просунул палец в бумажную дверь и сказал:

– Кто так же пальцем коснется моего пальца, тому я дам тысячу лан.

Вдова подумала, что ничего у нее не убудет, и коснулась его пальца, а молодой человек просунул ей тысячу лан.

Затем он возвратился домой. Отец спросил его.

– Купил что-нибудь?

– Дал только задаток, – надо еще две тысячи лан.

Отец дал ему, а он пошел к молодой вдове, просунул руку по локоть и сказал:

– Кто рукой коснется моей руки до локтя, тому отдам две тысячи лан.

Подумала вдова и коснулась его руки до локтя. Молодой человек отдал ей деньги, а возвратившись, сказал отцу:

– Товару оказалось больше, чем я думал, и надо еще три тысячи лан.

Дал отец, и молодой человек пошел к вдове и, просунув голову в дверь, сказал:

– Кто щекой коснется моей щеки, тому дам три тысячи лан.

Посмотрела вдова на красивое лицо молодого человека и подумала, что от нее не убудет если она прикоснется.

Прикоснулась и получила три тысячи лан.

А молодой человек, возвратившись к отцу, сказал:

– Еще больше товару, не хватает четырех тысяч лан.

Опять дал отец ему деньги.

Вошел молодой человек в дом вдовы и сказал:

– Кто обнимет меня и поцелует, тому я дам четыре тысячи лан.

Вдова обняла его и поцеловала, а молодой человек отдал ей четыре тысячи лан.

– Вместо денег ты бы лучше тоже меня поцеловал.

– Я не брал с тебя денег.

– Но я целовала тебя, и ты должен меня поцеловать, – я отдам тебе за поцелуй все твои деньги.

– Этого мало.

– Возьми все богатства моего покойного мужа, – их миллионы.

– Мало.

– Чего же ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты была моей женой.

– О, какой глупый, чего же я другого хочу?

Тогда сын пришел к отцу и сказал:

– Вот как я торговал: на твои десять тысяч лан заработал миллион и жену.

После этого они сыграли веселую свадьбу, и молодой муж купил себе должность губернатора.

27. Желтая собака

Один человек, одолев всю книжную премудрость, отправился в Сеул держать экзамен.

Перед этим он зашел к предсказателю и спросил его, на какую должность он выдержит экзамен.

– На первую, – сказал предсказатель, – но думай не о должности, а о своей жизни. Лучше всего тебе было бы перед экзаменами заручиться умной женой, если нельзя женой, то хоть невестой, если и этого нельзя, то попроси у той, которая тебе понравится, хоть что-нибудь на память.

С этим и отправился ученый человек.

По дороге в Сеул он увидел богатую фанзу и, узнав, что живет в ней бывший министр и у него есть дочь-невеста, зашел к министру.

Его приняли и отвели в помещение для гостей.

Вечером, гуляя, он зашел в школу, где дочь министра обучалась китайской грамоте.

Он как раз застал там дочь министра одну и сейчас же сказал:

– Так как предсказатель приказал мне жениться перед экзаменами, то вот вас я избрал своей женой.

– Но я вас не избираю своим мужем, – ответила дочь министра.

– Это очень жаль, – сказал ученый, – не можете ли вы по

крайней мере согласиться быть невестой, так как иначе моей жизни грозит опасность?

– Это, конечно, очень прискорбно, что вашей жизни грозит опасность, но моей грозит еще большая, если я когда-либо сделаюсь вашей женой.

– Не дадите ли мне по крайней мере что-нибудь на память?

Тогда дочь министра рассмеялась и дала ему бумажку, на которой нарисовала желтой кистью собаку.

Получив подарок, ученый отправился в Сеул.

Как и было предсказано, он выдержал первым экзамен и получил первую должность.

Один из сановников тут же, на экзамене, предложил ученому свою дочь в жены.

Ученый, очень польщенный этим, изъявил свое согласие, а сам, пока приготавливали все к свадьбе, засел еще немного поучиться, хотя больше и не предстояло уже никаких экзаменов.

Так он и не видал своей невесты до самого того дня, когда, как муж уже, остался с ней глаз на глаз.

Он пришел в ужас, увидев, до чего жена его была безобразна, с бельмом на глазу, хромая и рябая.

– Но кто же тебе мешал раньше посмотреть на меня?

Что было делать? Ученый сел в угол, ничего не ответив, и так и просидел там всю ночь и в конце концов так там и заснул.

Проснувшись утром, он к ужасу своему увидел, что жена его лежала с отрубленной головой.

Его и обвинили в убийстве жены, ввиду обнаруженного им ее безобразия.

В свое оправдание он мог только сказать, что он не виновен в ее смерти.

Но никто этому не поверил, кроме старого учителя, который экзаменовал его.

– Тут что-нибудь да не так, – сказал он и, отправившись к королю, просил его отсрочить казнь на десять дней с тем, чтобы через десять дней представить доказательство его невинности.

– Хорошо, – сказал король, – но с условием, что если не представишь, то я тебя казню вместе с ним.

Пришел старый учитель к преступнику и спрашивает, есть ли у него какое-нибудь доказательство его правоты.

– Ничего у меня нет, – вот есть только эта желтая собака, которую предсказатель велел мне выпросить от той женщины, которая откажется быть моей женой или невестой. Вот это она и дала мне.

Взял старуй ученый картинку, ходил с ней все девять дней, но ничего не придумал.

Жене своей он ничего не сказал, потому что жена его была известная на весь город сплетница и все так перевирала, что у людей, слушавших ее, уши вяли. Уж не раз жена подводила своего серьезного и доброго мужа, и потому он раз навсегда

решил ничего ей не говорить.

Но вечером, накануне десятого дня, старый ученый позвал жену и сказал ей:

– Что сделано, то сделано и того не воротишь: знай, завтра я буду казнен.

И муж рассказал ей все, не скрыв и картинки.

– Жаль, что у тебя не хватило глупости, помолчать еще и до завтра, – сказала ему жена, – тогда я по крайней мере избавилась бы от такого дурака, как ты.

Так как муж ее решил никогда не отвечать ей, то и теперь промолчал, а жена сказала:

– Весь свет знает, и только ты дурак и не знаешь, что покойная любила своего раба, которого зовут «желтая собака», надо поэтому взять этого раба и пытаться его до тех пор, пока он не сознается, что из ревности убил ее.

Так и сделали и пытали раба до тех пор, пока не переломали ему обе ноги, и он сознался, что из ревности убил дочь министра.

Тогда раба казнили, а ученого выпустили на свободу.

28. Тринадцатилетний муж

Однажды женили одного тринадцатилетнего мальчика на двадцатилетней девушке.

Когда жениха оставили на ночь с невестой, то, по обычаю, молодежь села подошла к окну их фанзы и ждала, что скажет им остроумный жених.

Но жених сидел с своей невестой, тяжело дышал, обтирал пот с лица и ничего не мог сказать, потому что был неграмотный.

– Отчего ты такой печальный? – спросила его жена.

– Как мне не быть печальным, – отвечал жених, – товарищи от меня ждут слова, а что я могу сказать, когда я неграмотный.

– Не печалься, я научу тебя. Скажи им, что в лесу растет молодая сосна, но она вырастет и будет красивым деревом.

– Я не могу так сказать.

– Я буду тебе подсказывать, ты встань у окна, а я стану у этой стены.

Она стала у стены, а он у окна.

– Так слышишь? – спросила жена.

– Так слышишь? – громко повторил муж.

– Слышим, слышим, – весело отвечали ему со двора.

– Это я тебя спрашиваю, – шепнула жена.

– Это я тебя спрашиваю, – громко сказал муж.

– А мы тебя слушаем.

– Подожди, поговорим сперва тихо между собой, – опять сказала жена.

– Подожди, поговорим сперва тихо между собой.

– Что-то мы плохо тебя понимаем, – крикнули ему со двора.

– В лесу растет молодая сосна, – шепнула жена.

Муж повторил, но так скоро, что жена шепнула ему:

– Тише, тише...

И муж повторил:

– Тише, тише...

Тогда во дворе поняли, что он повторяет слова жены, и крикнули ему:

– Ну и дурак же у твоей жены муж. И со смехом ушли прочь.

А муж стал ругать свою жену, что она так подвела его.

29. Как появились мыши и с каких пор перестали убивать стариков

Китайская сказка

Прежде стариков, когда они достигали шестидесяти лет, убивали.

Один сын очень любил своего отца и, когда ему минуло шестьдесят лет, спрятал его в подземелье, куда и носил ему пищу.

Однажды на дворец богдыхана напали какие-то страшные звери, величиною с корову, серые, с узкими, длинными мордами, с длинными тонкими хвостами. Все потеряли голову и не знали, что делать.

Тогда старик отец сказал:

– Надо найти восьмифунтовую кошку.

Нашли кошку в семь с половиной фунтов.

– Кормите ее, – сказал старик, – пока она не вытянет восемь фунтов ровно.

Когда кошка вытянула восемь фунтов, ее выпустили на зверей.

И вот что случилось.

Увидев ее, звери стали уменьшаться, пока не превратились в обыкновенных мышей, которых и ловят с тех пор обыкновенные кошки.

Когда император узнал, кто выручил всех из беды, то разрешил с тех пор старикам жить столько, сколько они хотят.

Так появились мыши на свете, виновники того, что стариков не убивают больше.

30. Уан-чине

Тысяченожка

В местности Тянь-кори жил один бедняк, Ким-нон-чи.

Как он ни заботился о своих предках, как ни искал счастливой горы, но все не находил. Но он еще раз попробовал и перенес кости деда на новую гору. Потом он устроил поминки и поминал так усердно, что напился допьяна.

Была уже ночь, когда он оставил могилу деда и пошел в город.

У городских ворот его встретила красивая женщина и попросила к себе в гости.

Когда он пришел к ней, на столиках уже стояли чир-неби (семь закусок), всякие вкусные блюда и суля (водка).

Женщина угощала его и просила полюбить ее, так как она в свою очередь через одного старика, который являлся ей во сне, узнала его, Ким-нон-чи, полюбила и теперь, зная, что он идет с могилы деда, вышла к нему навстречу.

– Это мое новое счастье, – сказал себе Ким-нон-чи, – и глупо от него отказываться, и, хотя у меня есть жена, эта будет моя законная любовница.

Так они полюбили друг друга.

– Я только тебя об одном прошу, – сказала женщина, – в течение трех месяцев никогда не приходи ко мне незванным и никогда не заглядывай в двери моей комнаты.

Сначала Ким-нон-чи так и делал, но потом любопытство взяло верх над благоразумием, и однажды он, придя невзначай, заглянул в бумажную дверь своей возлюбленной. Он увидел в щель, что комната была пуста, а на циновке лежал какой-то зверь, похожий на собаку.

Тогда он постучался и вошел. Зверя в комнате больше, не было, а перед ним стояла та, которую он любил.

Она была задумчива.

– Ты не исполнил моей просьбы, – сказала она печально. – Сядь же и выслушай, что я тебе скажу. Слышал ли ты что-нибудь об Уан-чине (тысяченожке)? Знай же, что это женщина, в наказание обращенная на тысячу лет в тысяченожку. За три месяца до срока ей дается право принимать по временам вид женщины. В это время она должна найти человека, который полюбил бы ее. Но человек этот, до срока, не должен знать, кто она. Мне оставалось только еще один день быть тысяченожкой. Теперь же я останусь ею еще тысячу лет. Вот что ты сделал своим любопытством. Но и тебе оно даром не пройдет.

И все сразу исчезло: и фанза, и женщина, и остался Ким-нон-чи сидящим на пустом месте.

Он встал, протер глаза и пошел домой.

Дома ждало его горе: единственный сын его умер.

А когда Ким-нон-чи уснул, приползла тысяченожка и, желая поцеловать, укусила его, и он так и умер, не проснувшись.

31. Еще тысяченожка

Жил себе в И-чжоу некто Ним-куак-сан.

Он был очень беден, имел много детей, и все они требовали от него пищи, денег и нарядов.

Накануне одного Нового года дети так пристали к нему с новыми костюмами, что несчастный отец, как был, выскочил из дому и решил больше домой никогда не возвращаться.

Попросту он решил лишиться себя жизни, а так как была особенно холодная зима, то и пошел он в горы, чтобы там замерзнуть.

Но хотя и хотел он умереть, однако выбрал себе место, укрытое горами, и, сев там, ждал смерти.

Немного погодя видит он, что идут две женщины: одна молодая, богато одетая, другая ее раба.

Женщины, проходя, поздоровались с ним, и богато одетая спросила его, что он здесь делает в такой холод?

Ним откровенно признался, зачем он пришел сюда.

– Из-за этого не стоит умирать, – сказала молодая женщина, – пойдём со мной, и я тебе охотно помогу.

Он пошел за ней, и они пришли в И-чжоу в очень богатую фанзу.

Молодая женщина дала ему денег, материи, чумизы и просила навещать ее, но раньше, чем войти, всегда стучаться в дверь.

Счастливым Ним принес детям своим обеды, еду и деньги. И Новый год прошел для всех его детей так же весело, как и для всех тех, у кого были чумиза, одежда и деньги.

Ним стал ходить к молодой женщине, и скоро они полюбили друг друга и решили обвенчаться.

Однажды вечером, когда Ним вышел из своего дома, чтобы идти к своей невесте, вдруг в темноте перед ним вырос громадный, до неба, дух.

– Я твой дед, – сказал дух, – и явился, чтобы предупредить тебя: та, которую ты любишь, не женщина, а тысяченожка. Если хочешь в этом убедиться, пойди, отвори дверь, и ты увидишь не свою возлюбленную, а тысяченожку.

И дух исчез.

Ним не знал, что ему делать, и в конце концов решил послушаться деда. Но, когда он подошел к двери, ему жаль стало тысяченожку, и, прежде чем войти, он постучался.

Когда он вошел, молодая женщина поклонилась ему до земли и сказала:

– Я теперь вижу, что ты меня любишь, и я тоже буду тебе верной женой. Я знаю все. К тебе являлся твой дед. Это не дед твой, а мой враг – змей, курей – мой бывший муж. Кому-нибудь из нас суждено было в этот вечер сделаться человеком. Время назначено было как раз то, когда ты постучал в мою дверь.

Если бы ты заглянул, я осталась бы еще на тысячу лет тысяченожкой, а курей превратился бы в человека.

Вскоре они сыграли веселую свадьбу и зажили, любя друг друга.

Бывшая тысяченожка принесла громадное счастье всему роду своего мужа. И хотя с тех пор прошла не одна тысяча лет, а и до сих пор фамилия Ним-куак-сан самая богатая в И-чжоу.

32. Дядя

Жил-был в провинции Хандиенго один добрый человек по имени Цу-ирени.

У всякого человека есть своя слабость, и у Цу-ирени была: он спал и видел, как бы ему попасть куда-нибудь губернатором.

В то время должности в Сеуле давались уже не за знания, а за деньги.

У Цу был один знакомый мошенник-министр, которому Цу перетаскал все свое состояние.

Министр все обещал ему место, говоря:

– Губернатор – это большая должность, надо еще денег.

Отправился Цу еще раз домой и на этот раз, распродав все, сколотил еще триста лан и пошел в Сеул.

По дороге, в гостинице, он познакомился с двумя путниками: мужем и женой. Жена с часу на час должна была родить и действительно в ту же ночь родила дочь. Но у родителей новорожденной не было даже денег за тот стол с едой, который подается матери.

Тогда Цу отдал им свои деньги и сказал:

– Я уже старик, одинок, – на что мне мое губернаторство. Вы же люди молодые, перед вами вся жизнь впереди. Может быть, мои деньги принесут вам счастье.

Муж и жена поблагодарили Цу, и он ушел к себе домой.

Прошло семнадцать лет, Цу было уже восемьдесят лет, и он давно уже был нищий, но не унывал и перед смертью решил еще раз посмотреть на Сеул.

– Не все ли равно, где просить милостыню, – говорил он, смеясь, своим соседям.

Соседи слушали и качали головой: так человек растратил состояние, которого хватило бы на два века другому, и ничего не сделал.

Когда Цу пришел в Сеул и просил милостыню, его увидел предсказатель тестя короля (поунгуни) и сказал:

– Вот человек, который получит сегодня все двенадцать должностей, вплоть до последней, и больше того.

Придя к Поунгуни, предсказатель на вопрос, что ждет его сегодня, посмотрел в лицо и сказал:

– Большая радость.

Но Поунгуни был не в духе и сказал:

– Все должности я имею, я тесть короля, каких радостей я могу еще ждать? Не королем же меня сделают. Что нового?

– Сегодня, – сказал предсказатель, – я встретил нищего старика, по лицу которого я прочел, что он получит сегодня все двенадцать должностей и больше того.

– Ты смеешься надо мной?

– Смею ли я?

– Хорошо, но если этот нищий и завтра останется таким же нищим, то у тебя будет отрублена голова. Пойди и приведи мне этого нищего.

«Вот на свою голову сказал», – подумал предсказатель и пошел за нищим.

Когда привели старика нищего, все вышли на него посмотреть, в том числе и жена тестя короля.

– Говорил тебе мой предсказатель, что ты получишь сегодня все двенадцать должностей и больше того? Как это может случиться?

– Не знаю, что будет, а знаю, что было, – ответил нищий, – а было то, что я сегодня еще ничего не ел.

– Накормите его, – сказал тесть короля и ушел.

– Я когда-то где-то слыхала этот голос, веселый, насмешливый, – сказала жена.

– Вот что, старик, мы тебя накормим, но с тем, чтобы ты рассказал нам обо всех своих добрых делах.

– Мои добрые дела не займут много времени, и все они не стоят одной чашки чумизы. Да и было-то всего одно, когда однажды я помог двум бедным людям.

– У этих бедных людей, – спросила жена тестя короля, – родилась дочь, и у них не было даже заплатить за стол с едой для матери новорожденной?

– Да, это так было.

– Эти люди были мы, – сказала тогда жена тестя короля, – а дочь наша теперь жена короля. С тех пор я не переставала молить небо о встрече с тобой, чтобы при жизни еще поблагодарить того, кто помог нам в трудную минуту.

И жена тестя короля упала перед стариком на пол. Затем

позвали тестя короля и, узнав, кто перед ним, и тесть поклонился старику в ноги. Мать пошла к дочери и сказала:

– Хочешь видеть твоего второго отца, о котором я тебе не раз говорила: он у нас.

Дочь рассказала своему мужу королю, и король пошел смотреть на старика.

– Так как один отец у нас есть, то назовем этого старика дядей, – звание, как известно, превышающее все двенадцать государственных должностей.

А предсказатель тестя короля вошел в такую славу, что скоро составил себе состояние, равное королевскому.

33. Нян и Тори-си

Нян и Тори-си умерли, когда им обоим только что минуло по шестнадцать лет.

Телесные души обоих после смерти явились к начальнику ада, Тибуану.

В ожидании очереди юноша и девушка познакомились и разговорились между собой.

Когда же пришла их очередь, по справке оказалось, что душу молодого человека, Няна, вызвали по ошибке: нужно было вызвать Няна из И-чжоу, а вызвали Няна из Уи-вена.

– Ну, иди назад, – сказал молодому человеку Ти-буан.

– Мне скучно идти одному, – стал просить молодой человек, – нельзя ли мне возвратиться на землю с этой девушкой?

– Нет, нельзя, потому что она очередная.

Но молодой человек очень просил и наконец заявил, что без нее и он не хочет возвращаться на землю.

Он говорил:

– Я человек бедный, мне надо жениться, а на какие деньги я женюсь и кто за меня, бедняка, пойдет на земле? Там богатый ищет богатого, и только здесь все равны и не надо денег.

Просьба юноши была так горяча, что тронула Ти-буана.

– Я не могу менять, что занесено раз навсегда в книгу судеб, и мне неоткуда для этой девушки достать новой жизни. Но вот что я могу тебе предложить: по книгам судеб тебе на-

значено жить до шестидесяти восьми лет, – отдели сколько хочешь этой девушке и бери ее.

Нян остальную свою жизнь разделил ровно пополам, – одну половину себе взял, другую отдал девушке.

– Идите за этой собачкой, – сказал им тогда Ти-буан.

– Сперва мы сделаем метку, – сказал Нян.

И оба они друг у друга на спине написали свои имена.

Затем они пошли за собачкой, и когда та, дойдя до реки, бросилась в нее, и они бросились, и сразу души их очутились в их телах.

Тогда оба рассказали, что с ними случилось в аду.

Отец девушки думал при жизни ее выдать ее замуж за своего приятеля и теперь, когда дочь возвратилась, сделал вид, что не верит сказанному ею, что надпись на ее спине сделала ее подруга, и торопил с задуманной раньше свадьбой.

Но в день свадьбы пришел Нян, и девушка сказала:

– Вот мой муж.

Нян снял тогда свою кофту, и все прочли на его спине имя Тори-си, но отец Тори-си продолжал упрямяться.

– Ни небо, ни ад не смеют нарушить родительскую волю, – говорил он.

Тогда Нян посоветовался с Тори-си и сказал:

– Так как Тори-си не желает моей жизни, если выйдет за другого, то я беру назад свою жизнь.

Тогда нечего было больше делать отцу, и, рассерженный, он сказал:

– Иди от меня: ты не моя.

Он сказал правду: Тори-си действительно не была больше его, она принадлежала Няну, и так как они знали, что им оставалось немного жить, то они нежно любили друг друга и, главное, никогда не ссорились.

У них родилось трое детей, для которых они при жизни успели заработать довольно денег.

Они умерли вместе в один и тот же день, час, минуту и мгновение.

Когда путник проходит мимо их могилы, окрестные жители рассказывают ему, как жили и любили друг друга Нян и Тори-си.

Когда хотят сказать, что двое любят друг друга, то говорят:

– Они любят друг друга, как Нян и Тори-си.

34. Кошки

Это было очень давно, когда кошки еще не существовали на земле.

Жил тогда один стрелок из лука. Он спал и видел, как попасть ему в Сеул на праздник стрелков и получить от самого императора похвальный лист и звание «дишандари». Хотя он стрелял и очень хорошо, но приходил всегда в такое волнение, что делал непростительные промахи. Тогда умные люди посоветовали ему пойти к предсказателю, прежде чем отправиться в Сеул.

Стрелок так и сделал. Предсказатель, получив с него тысячу лан, сказал ему:

– Пусть не переходит тебе дорогу женщина. Если же перейдет, поцелуй ее.

Хотел еще спросить у него охотник, но на другой вопрос у него не хватило денег, и он, ограничившись одним ответом, пошел в Сеул.

Не доходя девяти ли (три версты) до Сеула, встретила ему женщина поразительной и оригинальной красоты. Она была сильна, стройна, имела зеленые глаза, взгляда которых охотник не мог выдержать.

Она перешла ему дорогу, и согласно приказанию предсказателя охотник пошел за ней, чтобы поцеловать ее.

Казалось, она шла так же тихо, как и он, однако до самого

вечера он не мог догнать ее, пока она не вошла в маленькую избушку.

Тогда и охотник вошел за ней.

Там, в избушке, сидели отец и мать девушки.

Стрелок поздоровался с ними и объяснил, зачем он пришел сюда.

– Если предсказатель сказал, то так должно быть.

Тогда вошла девушка, и стрелок поцеловал ее.

– Сегодня поздно уже, и мы предлагаем тебе ночлег, – сказал старик.

– Я не прочь бы и на всю жизнь здесь остаться, так как полюбил вашу дочь и хочу на ней жениться.

– Пожалуй, женись, – сказал старик.

Пришла ночь, и все легли спать.

Проснулся стрелок и видит, что рядом с ним спит молодая тигрица, а подальше два старых, больших тигра.

Охотник от страха закрыл глаза, а когда снова открыл их, то с ним рядом опять спала его жена, а подальше отец и мать ее. Стрелок подумал, что ему показалось все, и заснул опять.

Утром, когда стрелок пошел в Сеул стрелять в цель, жена сказала ему:

– Сегодня тебя, мой муж, ждет большое отличие. Ты попадешь во все цели, но этого мало, и сегодня ты прославишься из рода в род, пока живы люди. Помни: когда ты попадешь в последнюю цель, на дороге, на трех мулах, покажутся трое: двое на белых мулах, в белом и с белыми опахалами, а тре-

тий на пестром, с зеленым опахалом. Как увидишь, немедленно стреляй в них.

– Как? В людей?

Жена покачала головой:

– Это не люди, это дикие люди, – если ты не убьешь их, они съедят всех. Когда убьешь их, разрежь грудь того, который ехал на пестром муле. В груди ты найдешь двух зверьков: никогда с ними не разлучайся, – пусть они будут тебе, как дети.

– Если мне, то и тебе.

– Да, конечно; прощай, мой муж возлюбленный.

– Но зачем же ты так печально прощаешься со мной, – я скоро вернусь.

– Я печальна потому, что одна минута разлуки с тобой все равно, что вечность.

Как говорила жена, так все и вышло.

Стрелок попадал во все цели, а когда спустил стрелу в последнюю, на дороге показались трое на мулах. Двое на белых, третий на пестром. Стрелок натянул свой лук трижды и трижды выпустил стрелу. Каждая попала в сердце каждого из путников.

– Что он делает? Он стреляет в людей?

– Идите и посмотрите, что это за люди, – сказал стрелок и пошел со всеми туда, где упали путники.

Но велик был ужас всех, когда вместо путников увидели трех тигров: двух старых громадных, – самку и самца, и одну

молодую тигрицу.

– Какое счастье, что он убил их, иначе бы всем нам грозила смерть.

Пока так говорили, стрелок быстро разрезал грудь молодой тигрицы и, вынув двух маленьких хорошеньких зверьков, спрятал их у себя на груди.

В тот день стрелок получил и «дишандари» и место губернатора.

Но напрасно он искал свою жену, – он никогда не нашел ни ее, ни родителей ее, ни избышки, и даже того места, где стояла избышка.

Прошел год, зверьки подросли немного, когда случилась вдруг война, несчастная для Кореи.

Тогда император назначил стрелка-губернатора главнокомандующим.

– Но я ничего не знаю в военном деле.

– Но ты счастлив, – иди и победи, иначе голову долой.

– Не печалься, отец, – сказали зверьки, – ты победишь.

На Амноке, на двух берегах ее, сошлись войска, – неприятельское и корейское.

В ночь перед сражением зверьки вышли в поля и леса и кликнули всех крыс и мышей:

– Идите на ту сторону в неприятельское войско, перегрызите у них все тетивы и все луки, съешьте их провиант и обувь.

Но войско без оружия, провианта и обуви – не войско, а

толпа нищих, и стрелок-губернатор всех их на другой день забрал в плен.

Тем и кончилась война, а губернатор сделался министром.

Что до зверьков, то от них пошло потомство. Теперь зверьков этих везде можно встретить, – их называют кошками.

Хотя теперешние кошки и не говорят, но, помня их происхождение, и до сих пор считают их священными животными и в память их происхождения и спасения от врагов уважают и чтут их.

35. Воловий труд

Жил-был на свете один писатель Ким. У него было два сына: старший и младший.

В то время как младший знал уже очень много, старший, Ким-Хакки, которому уже было шестнадцать лет, не знал и первых двух знаков азбуки: ха-ныр, тен, таа, ди, что значит небо и земля. При этом небо по-корейски ха-ныр, а по-китайски тен, земля по-корейски таа, а по-китайски ди.

Отец поэтому постоянно бил его и говорил, что он лучше убьет его, чем потерпит позор, что сын писателя останется неграмотным.

– Но чем я виноват, – оправдывался старший сын, – я день и ночь сижу за азбукой – ничего не выходит, мой младший брат целые дни играет, а у него все идет хорошо: это от неба так дано.

– Не от неба, а от твоей глупости, – отвечал отец и сильно бил его.

Наконец однажды отец сказал ему:

– Устали мои руки бить тебя, да и не хватит палок, хотя бы я вырубил весь свой лес. Убить тебя тоже не могу. Но прогнать тебя с глаз моих могу и прогоняю. Иди, куда хочешь. Научишься грамоте – приму тебя, не научишься – не приму.

– Позволь мне остаться у тебя работником, – я трудолюбив и могу работать.

– Не хочу.

– Куда же я пойду?

– Куда хочешь.

Насилу старший сын выпросил, чтоб хоть жену его оставил отец у себя, пока он будет пытаться счастья.

– Хорошо, – сказал отец, – пусть живет себе в задней комнате, но пусть тоже не показывается мне на глаза.

Жене же Ким-Хакки сказал:

– Жди меня десять лет. Если через десять лет я не приду, считай меня умершим.

Затем он зашел к своему другу и просил его в случае, если отец прогонит его жену, принять ее и кормить до его возвращения.

Друг обещал, и Ким-Хакки пошел куда глаза глядят.

Шел Хакки, шел и пришел в один город, где под одним окном услышал шум учившихся школьников.

Хакки зашел в школу и рассказал учителю все о себе.

– Это очень жалко будет, если сын такого знаменитого писателя останется неграмотным, – сказал учитель. – Я согласен взять тебя на десять лет и сделать все, что могу. Но не будь в претензии, если я о твою спину изломаю не один сноп палок.

Хакки с радостью согласился, и учение началось.

Между тем жена Хакки жила у тестя в задней комнате, варила себе чумизу и дни и ночи молила небо помочь ее мужу.

Через десять лет без тринадцати дней явился к ней во сне

белый старик и сказал:

– Просьба твоя услышана небом, за свое трудолюбие муж твой получит то, о чем просишь ты, добродетельная жена.

В ту же ночь вот что произошло с Хакки:

– Прошло девять лет, одиннадцать месяцев и шестнадцать дней (в Корее лунный месяц двадцать девять дней), – говорил учитель Хакки, – а ты и до сих пор не выучил и первых двух слов. Вот теленок стоит рядом с тобой в стойле, – ему два года, но я уверен, что, слыша постоянно твое «ха-ныр, тен и таа, ди», и он запомнил эти слова.

И учитель, позвав теленка, крикнул ему:

– Ха-ныр, тен!

И вдруг теленок поднял голову к нему.

– Таа, ди!

И теленок опустил голову к земле.

– Видишь? Если теленок умнее тебя, то что я могу с тобой сделать?!

И, избив Хакки в последний раз, учитель приказал ему оставить наутро его дом. И в эту ночь учитель пошел спать к своей семье, в первый раз после десяти лет, так как все это время он спал со своим учеником, заставляя его и по ночам заниматься.

Избитый Хакки долго и горько плакал, пока не заснул.

Когда он заснул, явился к нему во сне белый старик и сказал:

– Ты Ким-Хакки?

– Я, – отвечал Хакки.

– Ты получишь то, чего ты так упорно добивался. Открой рот.

Хакки открыл рот, и старик бросил туда три шарика.

– Проглоти!

Хакки проглотил и проснулся.

По старой привычке он сейчас же схватился за книгу и – о, чудо! Он не только стал читать ее без запинки, но он знал все, что было в этой книге и во всех тех, которые находились в училище.

Он взял в руки кисть – и еще большее чудо. Он стал писать знаки, которых не мог бы написать никто другой в Корее. Он стал составлять фразы, и смысл их стал выходить такой глубокий, как океан, и остроумный, как блеск драгоценных камней.

Тогда закричал он:

– Шенсан-ним, шенсан-ним (учитель, учитель)!

Когда прибежал учитель, счастливый Хакки сказал:

– Теперь экзаменуй меня.

Стал учитель экзаменовать, но Хакки знал много больше учителя.

Тогда учитель бросился на шею к ученику и поздравил его с таким успехом.

А скромный Хакки не скрыл и рассказал, откуда явилось к нему его знание.

После этого Хакки пошел домой и пришел ровно в тот

день, когда кончилось десять лет с того времени, как ушел он из дому.

Прежде всего он пошел к жене и после радостной встречи спросил:

– Как обращался с тобой отец?

– Я только раз его видела, но он, увидев меня, закричал, чтобы я ушла с его глаз. Я ушла и больше не видела его.

– В таком случае я не пойду к нему.

– Нет, ты должен идти, потому что отец и мать заменяют нам небо на земле. И идет ли с неба дождь, снег, светит ли солнце, все должны мы принимать без ропота, под страхом вечной гибели. Поэтому иди и поклонись отцу.

Так и сделал Хакки, но отец закричал ему:

– Прежде поклона твоего, прежде, чем ты смел явиться передо мной, ты должен представить доказательство твоей учености.

Тогда Хакки пошел в комнату своей жены и попросил купить ему шелковой материи.

На этой материи он написал рукой дракона несколько прекрасных и глубоких изречений, которые одни обессмертили бы его отца, если бы он мог так писать.

Тогда только отец разрешил старшему сыну прийти и обнять его.

Но после этого Хакки с женою оставили дом отца.

– Отец любил не меня, – сказал он жене своей, – меня такого, какого создало небо, а мои знания. И если бы я не

приобрел их чудом, я был бы навсегда чужой для него.

Хакки, выдержав экзамен в Сеуле, поступил на службу, и так как при дарованных ему небом способностях соединял большое трудолюбие и воловье терпение, то мог переносить все несправедливости капризного начальства и в конце концов дослужился до министра.

Тогда он дал хорошее место своему учителю, своему другу, но отцу никакого места не дал, хотя и был всегда почтителен с ним, как и подобает сыну.

Что до младшего брата, то так ничего из него и не вышло. Привыкнув легко, без труда получать все, он в жизни, где, кроме способностей, требуется воловий труд, ничего не успел.

36. Волмай

Во время царствования последнего из своей династии императора Косми-дзон-тван жила одна девушка Волмай-си, дочь богатых родителей.

Она получила прекрасное образование и читала по-китайски так же, как ее знаменитый, всем народом почитаемый учитель Ору-шонсэн.

Когда ей минуло шестнадцать лет, Ору сказал ей:

– Теперь твое учение кончено. По уму и образованию ты заслуживаешь быть женой министра.

– В таком случае я и буду ею.

На этом основании она отказывала всем искавшим ее руки и так как за ней еще были сестры, то, чтобы не мешать им делать супружескую карьеру, Волмай, с согласия родителей, получив на руки свою часть наследства, ушла из родительского дома и, построив гостиницу у большой дороги, так искусно повела свои дела, что ее гостиница была всегда полна народом, а молва о ней и похвалы разносились по всей стране.

Однажды один молодой угольщик нес мимо ее гостиницы уголь.

Ей нужен был уголь, и она, позвав, спросила, что он желает за свой товар.

Угольщик посмотрел на нее и сказал:

– Ничего больше, как раз поцеловать тебя.

– Не слишком ли высокую плату ты просишь? – спросила оскорбленная девушка.

– Таково уже мое правило, – отвечал молодой угольщик, – что я хочу или все, или ничего. И если ты находишь мою плату высокой, бери без всякой платы.

И, сказав, угольщик бросил с плеч к ее ногам уголь и ушел, прежде чем девушка успела что-нибудь ответить.

Прошло несколько дней, и опять мимо ее гостиницы проходил красавец-угольщик. Но он даже не посмотрел на нее и прошел мимо. Но девушке опять был нужен уголь, и она вынуждена была позвать его.

– А-а, – сказал угольщик, – знакомая покупательница.

И, подойдя к ней, бросил к ее ногам уголь и ушел.

Напрасно она звала его получить плату за уголь.

– Я знаю твою плату, – ответил ей, не поворачиваясь, угольщик.

А на другой день, когда девушка проснулась, на ее дворе лежала громадная куча угля, которую она не могла израсходовать и в год.

Волмай была очень смущена этим и все дни проводила у дверей, посматривая в ту сторону, откуда обыкновенно приходил угольщик.

Когда однажды она наконец увидела его, то пошла к нему навстречу и сказала:

– Я знаю, что этот уголь, который сложен у меня во дворе,

от тебя.

– Да, это принесли мои товарищи.

– Ты разве имеешь такую власть, что приказываешь?

– Есть больше, чем власть, – я пользуюсь любовью моих товарищей.

Девушка помолчала и сказала:

– Я хотела бы с тобой рассчитаться.

– С большим удовольствием, – сказал молодой угольщик и, сбросив уголь с своих плеч, так быстро поцеловал ее, что она не успела даже ничего подумать.

– Я никогда еще ни с кем не целовалась, и теперь волей-неволей ты должен стать моим мужем.

Угольщик весело рассмеялся и сказал:

– Что до меня, то я согласен.

– Вот так вышла замуж за министра, – смеялись все ее родные, поклонники и знакомые.

Между тем молодые хорошо зажили.

– Ты умеешь читать? – спросила молодая жена своего мужа.

– Ни мама, ни папа, – ответил ей весело муж.

– Хочешь, я выучу тебя?

– Что ж? В свободное от хозяйства время отчего не поучиться.

Прошло пять лет, и муж ее знал все, что знала она.

– Теперь иди к моему учителю Ору-шонсэн, и пусть он проэкзаменует тебя. Кстати принеси мне ответ на следующую

щий вопрос: «Если король глуп, а сын его идиот, то не пора ли вступить на престол новому?»

Через несколько дней муж возвратился и принес жене ответ:

– «Да, пора!»

Скоро после этого жена сказала мужу:

– Пригласи к себе трех самых умных и влиятельных из своих товарищей.

Когда муж пригласил их, жена приготовила им богатое угощение и вечером сказала им:

– Будьте добры, поднимитесь завтра на заре вот на эту гору и, что увидите там, расскажите мужу и мне.

Утром, когда три углекопа поднялись на гору, они увидели там трех мальчиков. Один сказал:

– Здравствуйте.

Другой сказал:

– Завтра, однако, старого короля вон выгонят.

Третий сказал:

– Вам трем дадут хорошие должности.

Затем три мальчика исчезли, а удивленные угольщики пришли и рассказали, что видели.

– Я все это знала, – сказала хозяйка гостиницы, – потому что я предсказательница. Я скажу и дальше, как вам получить хорошие должности и прогнать человека, который всех губит. Соберите сегодня к вечеру всех своих товарищей и приходите сюда.

Когда все угольщики собрались в назначенный час, она позвала мужа в свою спальню и сказала:

– Десять лет тому назад я решила выйти замуж за министра. Я вышла за тебя замуж, потому что, как предсказательница, угадала, что ты будешь министром. Теперь я тебе скажу, что твое время пришло: сегодня тебя назначат, а завтра признает весь народ. Вот тебе топор. С этим топором ты с твоими товарищами, каждый поодиночке, пройдете в столицу. Там, около дома Ору-шонсэна, вы все соберетесь. Ты один войдешь в дом и скажешь учителю: «Жена моя, Волмай, кланяется тебе. Вот этим топором я собью замок у ворот дворца, а теми людьми, что стоят и ждут моего приказания, я заменю разбежавшуюся дворцовую стражу».

Все так и было сделано.

Когда муж Волмай вошел в дом Ору-шонсэна, то увидел там несколько человек и учителя жены, которые спорили о том, кем еще заместить одно вакантное место министра. Ору предлагал мужа Волмай, а другие предлагали каждый своего. Муж Волмай, войдя, сказал:

– Я муж Волмай, вот этим топором я собью замок с ворот дворца, а теми людьми, что стоят на улице, я заменю разбежавшуюся дворцовую стражу.

– И ты поступишь, как лучший из всех военных министров, – ответил ему Ору.

Всем остальным осталось только крикнуть: «Е-е» (что значит «да, да»)!

Затем, когда все заснули, муж Волмай со своими угольщиками отправился ко дворцу, сбил замок, застал врасплох стражу и предложил ей выбор: или, сняв одежду, бежать из дворца и молчать обо всем случившемся, под страхом смертной казни, или быть немедленно умерщвленными.

Стража избрала первое. Угольщики надели их форму, и дворец с королем был взят.

Наутро уже заседал новый король Индзан-тэвен, заседали новые министры, и когда старые пришли во дворец, то им было предложено или признать новый порядок, или тут же быть казненными.

– А где старый король и его сын?

– Оба живыми взяты на небо.

– О, это большая честь, – мы ее недостойны, – сказали министры и присягнули новому королю.

И все пошло своим чередом, а уважаемый всеми учитель и предсказатель, Ору-шонсэн, во всеуслышание на площади предсказал новому королю счастливое и выгодное для народа царствование, а его династии существование на тысячу лет.

При таких условиях народ ничего не имел и против двухтысячелетнего существования новой династии.

Предсказание Ору исполнилось, новый король царствовал в интересах своего народа, а угольщики так и остались служить в дворцовой страже.

От них и пошел черный цвет этой стражи.

С ними и муж Волмай до своей смерти оставался министром, и никто уже не смеялся больше, что Волмай не умела выбрать себе мужа.

37. Счастливая могила

В провинции Чон-сан-до, в городе Чон-шун-кун жил Сим-хо-дзан, занимавший должность аджон, что значит правитель канцелярии губернатора. Он же заведовал и тюрьмой.

Состарившись, Сим уволился от должности, но так как эта должность наследственная, то его сменил сын.

Во время службы сына в тюрьму привели одного убийцу по фамилии Ким. Ночью Ким убежал из тюрьмы и прибежал, спасаясь, к Симу, с просьбой спрятать его.

Сим спрятал его так, что никто даже из домашних не знал, что в доме скрывается чужой человек.

Между тем согласно закону сына Сима за бегство Кима, избив прутьями, сослали в ссылку.

Когда розыски кончились, Сим сказал Киму:

– Ну, теперь ты можешь безопасно уйти из города.

Прошло много лет.

Ким ушел в монастырь, где все время учился искусству отыскивать счастливую гору для покойников.

Кончив, он пошел в город, где жил Сим.

Старик Сим уже умер, а молодой возвратился из ссылки.

От сына Сима только узнал Ким, что тот был сослан из-за него.

– Я пуншу⁴, – сказал ему Ким, – ты пострадал из-за меня, и теперь я хочу отблагодарить тебя и твоего покойного отца. Бери кости своего отца и неси за мной.

Таким образом, Сима похоронили на одной из самых счастливых гор.

И вот что случилось потом.

Овдовел император и искал себе жену. Однажды, умываясь, он увидел в воде девушку, сидящую под сосной.

Каждый день после этого он видел в воде эту девушку и полюбил ее.

Тогда он созвал министров, и по их совету художник срисовал эту девушку.

Портрет этот был вывешен на самом людном месте в Се-уле.

Однажды подошел к портрету раб Сима и сказал:

– Каким образом сестра моего господина попала сюда?

Так узнали, кто была девушка, и император послал своего председателя министров сватать ее.

Женившись, император дал ее покойному отцу звание тестя и связанную с ним должность правителя части государства, а брата ее назначил губернатором.

С тех пор род Сима в славе и до сих пор.

Теперешний Сим – министр иностранных дел.

⁴ Искатель счастливых могил. (Прим. Н. Г. Гарина-Михайловского.)

38. Тутонтайна

Жабий дом

В давние времена, в Хуан-хадо, округе Хаджо, в деревне Кон-тон жил один бедный человек по имени Пэк.

Дожил Пэк до пятидесяти лет и не мог собрать достаточно денег, чтобы жениться.

В это же время жил один богатый человек, который занимался тем, что женил бедных.

И Пэк пришел к нему. Богатый и ему нашел невесту и дал денег на выкуп ее.

Женился Пэк, и через год жена родила ему дочь Хан-несини затем умерла.

На одиннадцатом году Пэка разбил паралич, и так как он не мог больше работать, то им и грозила голодная смерть.

В это время еще приносили человеческие жертвы. В Кон-тоне приносили такую жертву ежегодно в честь поселившейся там тысяченожки.

Для такой жертвы требовалась девушка.

Хан-не предложила себя за десять тысяч кеш⁵, которые и просила передать после ее смерти отцу.

Жертва приносилась таким образом: в молитвенном доме – Кукши, после обряда, клали девушку на стол, и все уxo-

⁵ Пятьсот медных кеш составляют наш рубль. (Прим. Н. Г. Гарина-Михайловского.)

дили. Когда потом, через некоторое время возвращались, то девушки уже не было, а из Кукши уползала тысяченожка. После такой жертвы начиналось для всех особое счастье.

Хан-не очень любила одну жабу. Эта жаба всегда выполняла из своей норы в то время, как Хан-не ела, и Хан-не не жалела пищи, часто сама не доедая для жабы.

Когда Хан-не повели на место жертвоприношения, за ней поползла и жаба.

Положили Хан-не на стол и вышли все, а тысяченожка вползла в дом.

Тогда она стала выпускать красные лучи, и Хан-не потеряла сознание.

Но жаба в свою очередь выпускала лучи, и лучи жабы оказались сильнее лучей тысяченожки.

Когда, после определенного времени, все вошли в молитвенный дом, то застали там мертвую тысяченожку, большую добрую жабу и живую Хан-не.

В память этого события и построили в честь этой жабы молитвенный дом. Жаба не требовала больше человеческих жертв.

Она живет в своем домике, и каждый справедливый человек, который приходит в этот домик помолиться, видит эту жабу.

Дурной же человек видеть этой жабы не может.

А так как хорошие люди все-таки не переводятся, то видят эту жабу и в наши дни.

39. Ни-муей

Ни о чем не заботящийся

Жил себе человек по имени Ни-мен-сан.

Было у него двенадцать сыновей и одна дочь.

У каждого сына он гостил по месяцу, а в високосный год, когда тринадцать лунных месяцев в году, тринадцатый месяц гостил у дочери.

И никаких других дел у Ни-мен-сана не было.

Все завидовали ему и столько говорили о его беззаботной жизни, что слух о нем дошел до императора.

Заинтересовался император таким человеком, у которого никаких дел и забот не было, и потребовал к себе Ни-мен-сана.

– Правда ли, что ты ничего не делаешь и только гостишь у своих детей?

– Да, небо послало мне, по числу месяцев в году, двенадцать сыновей, а на тринадцатый, високосный, одну дочь, и так я и живу каждый месяц у другого.

– Хорошо же ты устроил свои дела. В награду за это я дарю тебе вот эту бусу, но с условием, чтобы ты сберег ее, и, когда только я ни спрошу, она должна быть при тебе, иначе плохо тебе будет.

Император отпустил Ни-мен-сана и приказал страже как-нибудь незаметно украсть у него бусу и забросить ее.

Переодетый стражник пошел за Ни-мен-саном на перевоз, незаметно вытащил у него из торбы бусу и выбросил ее в реку.

Переправившись через реку, Ни-мен-сан остановился в одной фанзе на ночлег и сейчас же полез в торбу посмотреть, цела ли его буса.

Правду сказать, с тех пор как император подарил ему бусу, вся беззаботность Ни-мен-сана бесследно пропала. Он теперь только и думал о своей бусе.

А когда в торбе бусы не оказалось, то и Ни-мен-сан узнал, что такое горе и заботы.

Всю ночь не спал он, думая, как отыскать пропавшую бусу, и к утру очень проголодался.

В это время он услышал крик рыбака и, позвав, купил у него одну рыбу. Какова же была его радость, когда, начав чистить рыбу, в ее желудке нашел он свою бусу.

Между тем император приказал возвратить Ни-мен-сана. Когда его привели, император грозно сказал ему:

– Где подаренная тебе буса?

Ни-мен-сан вынул бусу и показал ее императору.

– Каким образом ты опять ее нашел, когда я знаю наверное, что ты ее потерял?

Тогда Ни-мен-сан рассказал, как нашел он бусу.

– Ну, за тебя и небо и морской царь, – сказал тогда император, – ты действительно имеешь право ни о чем не заботиться, и пусть с этих пор фамилия твоя будет Ни-муей, что

значит ни о чем не заботящийся.

Ни-муей дали должность Бую-они, что значит ничего не делать, и так и жил он, пока не умер, и был похоронен с большим почетом.

40. Ким

Жил некто Ким-хашени.

На родине не везло ему, и решил он поехать за моря попытать счастья.

Оставил жену и уехал Ким и десять лет был в отсутствии.

Там, за морем, он нажил большое состояние и решил ехать домой.

Перед отъездом пошел он к предсказателю узнать, какова будет его дорога.

– Если ты дашь мне восемь тысяч лан, я скажу, какая будет тебе дорога, – сказал предсказатель.

Много было восемь тысяч лан, но не пожалел Ким и отдал их предсказателю.

– Четыре вещи запомни ты, – сказал предсказатель, – не ездь прямой дорогой, не ходи ночью через перевал, не мой масляной головы, бойся кантишей, что значит мера ободранной чумизы.

После этого поехал купец домой на своем корабле.

В одном месте стали некоторые его товарищи настаивать ехать прямо морем, а не кружиться вдоль берега. Немногие, с Кимом во главе, не поехали, и только они и спаслись, так как случилась буря и потопила уплывших в море.

Когда оставшиеся в живых благополучно достигли родины, они все вместе пошли по одной дороге.

Наступил вечер, когда они подошли к одному перевалу.

– Я дальше не пойду сегодня, – сказал Ким.

Но товарищи сказали ему:

– Если так тихо будешь идти, ты никогда и домой не придешь; если хочешь, оставайся, а мы пойдем себе.

Они пошли, а Ким остался.

Ночью их всех перебили разбойники, а Ким благополучно дошел до своей фанзы.

Был уже вечер, и, войдя, Ким наткнулся на бочку с маслом, упал, и масло вылилось ему на голову.

Он хотел вытереть волосы, но вспомнил слова предсказателя и не вытер.

Пока он путешествовал, жена его, думая, что он погиб, вышла замуж за другого.

Увидав первого мужа, она не обрадовалась ему, но не подала вида, а приняла его, как требовал обычай.

А между тем попросила второго мужа убить первого, когда тот ляжет спать.

Ночью вошел второй муж и стал щупать, где голова первого мужа.

От масла распустилась прическа спавшего мужа, и, приняв его голову за голову женщины, второй муж убил вместо мужа жену.

На другой день, когда убийство было обнаружено, все обвинили первого мужа в убийстве жены за измену.

Его связали и повели к судье.

Судья судил и присудил его к смерти, и когда ему дали кисть, чтобы он подписал приговор, то на кисть села муха.

В таких случаях приговор не подписывается, и дело вторично пересматривается.

Ким рассмеялся и, показывая на муху, сказал:

– Муха.

– Да, муха, – согласился судья, и подсудимого отвели обратно в тюрьму.

Прошел год. Позвал судья Кима и говорит ему:

– Расскажи мне все подробно.

Тогда Ким рассказал ему все подробно, не утаив, что предсказал ему предвещатель.

– Но что же значит последнее предсказание: кантишей? – спросил судья.

– Не знаю, – сказал Ким.

Вечером судья все думал, что делать ему с Кимом и что значит «кантишей».

Заметив задумчивость мужа, жена спросила его, о чем он думает.

Когда он рассказал ей, жена посоветовала ему спросить у обвиняемого, не знает ли он кого-нибудь по фамилии Кантишей.

На вопрос судьи Ким ответил:

– Знаю: это мой сосед и, как оказывается, второй муж моей покойной жены.

Тогда судья понял все. Он послал за этим Кантишей и пы-

тал его до тех пор, пока тот не признался во всем.

Тогда его повесили, а Кима отпустили.

Так Ким, хоть и за большие деньги, но сберег свою жизнь.

41. Курей

Около одного монастыря поселился злой курей (змея) и поедал каждого корейца, кто приходил молиться в монастырь.

Тогда один старый бонза сказал, потому что он был тонн (предсказатель):

– Так будет продолжаться до тех пор, пока корейцы не соберут две тысячи петухов.

Корейцы собрали и принесли. Через год у одного петуха стали расти рожки. Монах зарезал всех петухов, кроме этого, а старый бонза сказал рогатому петуху:

– Иди к курею.

Петух пошел и возвратился с окровавленной головой.

Тогда бонза с остальными монахами пошел туда, где жил курей, и все увидели, что у курея только голова осталась змеиная, а тело было женское.

Тогда монахи убили змея, и с тех пор корейцы свободно ходят в тот монастырь.

42. СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ

Жили себе отец и сын. Сын очень почитал отца. Когда отец заболел и был при смерти, сын продал все и понес деньги к знахарю, чтобы тот только вылечил отца.

Когда сын ушел к знахарю, жена его вышла на реку мыть белье.

На берегу она увидела бонзу (монаха), который сказал ей:
– Если хочешь, чтобы свекор твой жив был, свари вот такого жень-шеня (хороший корень жень-шень формой и цветом похож на тело младенца).

И бонза показал на ее двухлетнего сына.

Жена сына больного поняла, что надо зарезать их ребенка, чтобы спасти старика. Она взяла и зарезала сына, сварила из него похлебку и напоила свекра.

В тот же день свекор выздоровел, и, когда вернулся его сын, он сказал ему:

– Твоя жена напоила меня чем-то вкусным, и вот я опять здоров.

Муж спросил жену:

– Чем ты напоила отца?

– По приказанию бонзы я напоила его наваром из нашего сына.

Тогда муж поклонился ей в ноги и поблагодарил за любовь к его отцу.

Прошло четырнадцать лет.

Опять жена сына мыла на берегу белье, когда подошел к ней бонза с шестнадцатилетним юношей.

– Прими своего сына назад, – я его воспитал, и теперь он может назваться образованным человеком, а тогда ты резала не сына, а жень-шень, который я дал тебе, но отвел тебе глаза.

43. Права отца

Жил отец и три сына.

– А что, – спросил однажды отец, – почитаете вы меня за то, что я виновник того, что вы появились на свет?

Старший сын сказал:

– Почитаю.

И средний сын сказал:

– Почитаю.

А младший сказал:

– За это еще не за что почитать.

Отец и братья рассердились и прогнали его. Ушел младший сын и пришел к перевалу.

– За этот перевал не ходи, потому что в той фанзе, что по ту сторону перевала, десять человек умерли от холеры, и только и жива еще последняя дочь.

– А сколько ей лет?

– Ей шестнадцать лет.

– Ну, так я, пожалуй, пойду.

И пошел.

Приходит, а девушка говорит ему:

– Разве ты не знаешь, что в этой фанзе все мои родные умерли от холеры?

– Знаю, но я узнал, что ты одна, и пришел к тебе.

Она оставила его у себя и через некоторое время, полю-

бив, согласилась сделаться его женой.

Так как отец его жены был богатый и жена его знала, куда отец прятал деньги, то она однажды послала мужа своего за этими деньгами, и стали они богачами на всю окрестность.

Слух об их богатстве дошел до братьев и отца.

– Нет, – сказали они, – мы мало его наказали, выгнав только из дома, его надо лишить жизни, а деньги взять себе.

И вот задумали они злое дело.

Присылают раз два брата письмо к младшему с известием, что умер их отец и чтобы приходил он на похороны.

Младший брат сейчас же пошел. Жена, провожая его, приказала ему: чтобы сули он не пил в доме братьев и до парадных кушаньев не дотрагивался, а ел бы такую же простую пищу, как и они будут есть.

Пришел младший брат к старшим и видит, что отец жив. А братья смеются:

– Мы нарочно тебя обманули, потому что иначе не надеялись, что ты придешь к нам.

Затем они посадили его за стол и стали угощать сули и парадным обедом.

Но, когда он налил сули и поднес отцу и братьям, они отказались.

Тогда он сказал:

– Неприлично и мне пить и есть отдельно от братьев.

И вылил на пол сули, а парадный обед бросил собакам, от чего они и сдохли.

Затем, поев с отцом и братьями, в тот же день возвратился домой.

Между тем хунхузы, узнав, что младший брат ушел к своим родным, отправились туда, чтобы захватить его и получить за него богатый выкуп.

Они напали на дом его родных ночью, врасплох, и так как караульных собак не было, то и захватили отца, двух старших братьев, а младшего не нашли.

Думая, что отец и братья спрятали его, хунхузы сперва пытали их, а потом, рассердившись, убили и отца и братьев.

А младший и до сих пор живет.

44. Перевозчик

Жил себе старый перевозчик.

Никому не отказывал он в перевозе: давали ему что-нибудь за это, он брал; не давали, ничего не просил.

Видит раз перевозчик, что через реку плывет курей (толстый змей).

Плыл, плыл и стал он тонуть. Тогда старик поспешил к нему на помощь на своем перевозе и перевез его на другую сторону.

Ничего не сказал курей, только заплакал, и где упали его слезы, там растут с тех пор прекрасные цветы. Они растут и в других местах на земле, но только там, где поливают их слезами.

В другой раз, когда старик сидел у своего перевоза, увидел он, что плывет молодая косуля и тонет.

Поехал старик и перевез косулю на другой берег.

Вышла косуля, ничего не сказала и убежала в лес.

Пошел старик в лес нарвать себе салату на зиму, вдруг выбежал красивый козел и стал рыть ногой землю. Но в это время проходил какой-то прохожий с лопатой, и козел убежал.

– Будь добр, прохожий, покопай в этом месте.

Только три раза копнул прохожий, и стукнула лопата обо что-то.

То было золото.

– Благодарю тебя, – сказал старик, – за твою работу я даю тебе половину этого золота.

– Это золото выкопал я, и оно мое, – сказал прохожий.

Стали они между собою спорить, и так как ничего из их споров не вышло, то и решили они идти в город к судье.

Судья отдал золото прохожему, а старика за вымогательство, избив палками, посадил в колодки.

Ночью приполз к старику курей и укусил его в ногу.

На другой день нога старика так распухла, что уже думали, что умрет он.

Ночью опять приполз к нему курей и дал ему целебных листьев.

От этих листьев на другой день пропала вся опухоль на ноге, и даже след от раны исчез.

А курей в ту же ночь приполз к жене судьи и так же, как и старика, укусил ее за ногу.

На другой день и у нее так распухла нога, что уже думали, что умрет она.

Тогда начальник тюрьмы доложил судье, что у старика отчего-то пропала такая же опухоль.

Позвал судья старика и спрашивает:

– Отчего пропала у тебя опухоль?

– Курей мне листья такие принес.

– Где листья?

Показал старик, приложил к ноге жены судьи, и опухоль

пропала.

– Почему же курей принес тебе листья?

Тогда рассказал старик, как перевез курея и косулю.

– А косуля что тебе дала?

– Дал ее муж то золото, которое ты передал прохожему.

Тогда судья послал догнать прохожего, отобрал у него золото, передал старику, а прохожего посадил в колодки.

45. Водка из камня

Сын министра полюбил дочь мясника и просил у отца разрешения жениться на ней.

Но отец только выругал его и не позволил.

Тогда сын женился без разрешения.

Отец рассердился и прогнал и сына и невестку.

Прошло много лет, и настал несчастный год для министра: от должности его отставили, чумиза и рис не уродились, и весь скот подох.

Сразу стал нищим министр и со всей семьей пошел просить милостыню.

Так пришел он, между прочим, и к прогнанному сыну.

Сын принял отца, мать, братьев и сестер, заплакал от радости и поселил их у себя в доме.

Но он сам был беден и как ни старался, но не мог прокормить всю семью.

Тогда жена его продала все свои фальшивые косы, а когда опять не хватило чумизы, отрезала и продала и свою собственную косу.

На эти деньги она купила чумизы и понесла ее домой. Но по дороге уронила мешок, и чумиза рассыпалась.

Тогда она стала собирать чумизу и не хотела, чтобы пропало хоть одно зерно. Так, собирая, она сметала с дороги пыль и нащупала камень с углублением в нем. В углублении

была жидкость.

Она взяла этот камень и принесла его домой.

Когда тесть ее попробовал жидкость, которая была в камне, он сказал:

– Это лучшая из всех водок.

Но водка эта имела и другое достоинство: сколько ее ни пили, ее не уменьшалось.

С таким камнем вся семья скоро опять разбогатела, а водка эта и до сих пор называется Чуу-чен-сок, что значит водка из камня.

Самый камень, кажется, пропал теперь, но про того, кто, угощая, не жалеет водки, говорят и до сих пор:

– У него Чуу-чен-сок.

46. Птичий язык

Был один человек Ли-тха-чи, который понимал птичий язык. Идет раз Ли и видит – летит ворона и кричит ему:

– Као, као (что значит: идем, идем).

И он пошел за вороной и пришел к тому месту, где лежало мясо. Он взял кусок этого мяса и стал варить себе суп.

В это время пришел человек и стал упрекать его в том, что он зарезал его корову.

И как ни оправдывался Ли, человек повел его в город к судье. Ли объяснил судье, как было дело.

– Хорошо, – сказал судья, – если ты понимаешь птичий язык, то скажи, о чем кричит тот голубь, который сидит на том дереве?

– Он говорит, что запутался в паутине.

Пошли, посмотрели. Действительно, голубь запутался в паутине.

– Ты мог это и увидеть, – сказал судья.

И так как был уже вечер, и все птицы разлетелись, то судья приказал посадить Ли до утра в тюрьму.

В тюрьме, с окна, к Ли на колени упал птенчик из ласточкиного гнезда. Ли покормил его своей слюной, и так как изнутри не мог посадить его назад в гнездо, то и оставил птенчика у себя на груди. На другой день, когда его опять привели к судье, судья сказал ему:

– Ну, хорошо, вот над тобой вьется ласточка и кричит. Что она говорит?

– Она просит возвратить ей вот этого птенчика, который упал ко мне в тюрьму и которого надо теперь посадить в его гнездо.

И Ли с судьей, пошли к гнезду ласточки и, как только Ли выпустил птенчика в гнездо, туда же влетела ласточка и, чирикнув в последний раз благодарность Ли, затихла.

Тогда судья сказал:

– Такой человек, как ты, действительно не может сделать ничего дурного.

И он отпустил Ли.

47. Недостойный друг

Сын богатых родителей из провинции Пьяндо молодой Паксен-дарги, отправился в Сеул с тем, чтобы купить там соответственную его дворянскому достоинству должность.

Но в Сеуле он повел веселый и праздный образ жизни и истратил все деньги, данные ему отцом для покупки должности.

Так как платить ему больше было нечем, то его прогнали из гостиницы, и друзья не хотели его больше знать.

Он ходил по улицам и уже думал о голодной смерти, когда услышал, проходя мимо одной фанзы, громкое чтение. Он остановился и стал слушать. Ему понравилось и чтение и книга. Он вошел в фанзу и сказал хозяину:

– Вы хорошо читаете, и, если вы позволите, я сяду и буду вас слушать.

– Садитесь и слушайте.

Когда хозяин устал, Паксен предложил читать дальше. Оказалось, что Паксен читал тоже хорошо и имел приятный голос.

Хозяин очень обрадовался, так как любил чтение, и предложил Паксену погостить у него.

Паксен поселился у него и так жил, проводя время в чтении и прогулках. Недалеко жила одна молодая вдова. Проходя мимо ее фанзы, Паксен заметил ее и полюбил.

Он стал часто гулять мимо ее фанзы, пока вдова тоже не заметила его и не полюбила.

Потом и она стала гулять в то время, когда гулял он, и так они наконец познакомились, а потом он признался ей в любви и узнал, что и она его любит. Но она была не дворянка, и поэтому он не мог на ней жениться.

Тогда они решили обойтись без этого и уйти куда-нибудь, где их никто не знал бы, и так жить.

Так как родные не пустили бы ее, то она решила уйти тайно.

Однажды она сказала ему: – Достань пять вьючных мулов и пришли их ко мне ночью, когда будут все спать. Я нагрузу все свои драгоценности и отправлю их к тебе, а ты жди меня с ними у городских ворот утром, когда их будут отворять.

У Паксена не было мулов; и он долго думал, где ему достать их. И он решил пойти к одному из прежних своих товарищей, с которыми вел раньше праздную жизнь.

Он признался ему во всем и просил мулов.

Приятель тоже любил вдову, но скрыл от Паксена это и достал ему мулов.

Но когда утром Паксен с мулами и драгоценностями ждал вдову у ворот, пришел к нему его приятель и рассказал ему, что родные вдовы узнали обо всем, вдову заперли, а сами пошли в полицию заявить о том, что какой-то Паксен обокрал их и стоит теперь с вещами у городских ворот.

– Тебе нет спасенья теперь. Беги с этими вещами, а когда

опасность пройдет, я привезу к тебе эту женщину.

Так и сделали.

А приятель остался у ворот, и когда вдова пришла, он сказал ей:

– Напрасно ты ждешь. Он просто хотел похитить твои драгоценности и теперь уж далеко...

Вдова была в отчаянии, – ее так обманул тот, кто так клялся ей в любви, она осталась без драгоценностей и не могла больше вернуться к родным.

Тогда коварный друг сказал ей:

– Отомсти ему, полюби меня, и мы с тобой тоже уйдем далеко, прочь отсюда.

Так как у вдовы другого выбора не было, то она сказала:

– Хорошо, но там, куда мы уйдем, мы выстроим такую гостиницу, чтобы слава о ее гостеприимстве, удобствах и дешевизне прошла по всей стране.

– Хорошо, – сказал друг Паксена, – хотя это и будет мне дорого стоить, но я люблю тебя и согласен на твою странную прихоть.

Так они и сделали.

Паксен, напрасно ждавший вдову, боясь идти в Сеул, чтобы там не схватили его, не знал, что делать, когда один проезжий рассказал ему о бегстве неизвестно куда вдовы с его другом.

Тогда Паксен проклял всех женщин и, отдав мулов и драгоценности вдовы в монастырь бонзам, решил иначе сделать

себе карьеру.

Он ушел искать золото и жень-шень. Он жил, как самый последний бродяга, и нередко пули хунхузов свистели мимо его ушей. Он ходил по самым глухим местам, и чем глуше было, тем меньше болело его сердце. Уходя все дальше и дальше, он дошел до вершины Ченьбошана – Пектусана и священного озера драконов.

Потрясенный и испуганный святотатством своего поступка, он не сомневался больше в своей смерти.

Ночь наступала.

Он принес горячую молитву небу и сказал заходящему солнцу:

– О, великое солнце, ты из своего золотого дворца видишь весь мир, а я отсюда никого и ничего не вижу. Когда увидишь ее, передай ей, как умираю я здесь из-за нее.

А когда он заснул, ветер ласкал его лицо, а он думал, что это она, как когда-то, целовала его.

И вот среди ночи кто-то приказал ему, и он открыл глаза и то, что увидел, никогда больше не забывал.

Молодой месяц светил в далеком небе. Но темно было, и нежный Скорпион, как бриллиантами, горел вокруг месяца своими звездами и все глубже, казалось, проникал в синеву темного неба. Мрачно и одиноко стоял белый Пектусан и далеко в небо ушел своей вершиной. Из этой вершины исходил бледный, едва видимый туман, и вдруг вылетел дракон и стал между месяцем и землей. И дракон был белый и про-

зрачный, как туман, и поднялся он на чистом небе к самому месяцу, и оттого его видели все, кто не спал. Он сказал:

– Не бойся меня, потому что я знаю, что ты не по своей воле пришел. Но ты по своей воле стал бедным корейцем и узнал, как тяжело ему жить, как грабит его начальство и какие подати берут с него. Ты страдаешь даром, и я награжу тебя. Иди в страну прямо на закат отсюда и, когда пройдешь три солнца, увидишь озеро и три дерева, и там начни копать. Ты найдешь там столько золота, сколько захочешь.

И когда сказал так дракон, он стал бледнеть и совсем исчез в темном небе.

Утром проснулся Паксен и вспомнил свой сон. Он поблагодарил небо, великого дракона и пошел в страну на запад.

Через три солнца увидел он озеро и три дерева.

Тогда он стал копать и увидел столько золота, сколько может присниться человеку только во сне.

Он копал и копал. Когда его мучила жажда, он пил воду из озера, а когда хотел есть, то ел корень жень-шень. Он копал бы и до сих пор, если б однажды дракон не прилетел к нему ночью, как и в первый раз, в четвертый день новолуния, и сказал:

– Несчастный человек, ты знаешь ли, сколько времени ты копаешь? Ты копаешь уже пятнадцать лет и три лунных месяца.

Тогда заплакал Паксен и сказал:

– Не хочу я больше копать.

И тогда пропало все золото, кроме того, которое он нарыл.

Но и его было так много, что надо было сто мулов, чтобы поднять его. Тогда Паксен взял столько, сколько мог, и пошел назад. И когда он шел, леса расступались перед ним, болота высыхали, а на реках делались мосты. Но когда он проходил, позади него были только опять болота, леса да непроходимые горы.

И пришел он в один китайский город, где и продал все свое золото, так как, если б пришел с ним в Корею, то по законам страны, запрещающим добычу золота, был бы казнен.

Денег за золото дали ему так много, что нанял он семьдесят быков, которые везли за ним его деньги.

А сам он ехал в двухколесном паланкине и думал о том, как прошла вся его жизнь, потому что это уже был старый и измученный человек.

Так приехал он в тот город, где вдова с другом его держали гостиницу.

Вдова знала, что делала. Слава о гостинице разнеслась по всей стране, и она знала, что когда-нибудь ее коварный любовник попадет в расставленную ловушку.

Она узнала его сразу, как только въехал он во двор. Но он не узнал ее.

Вечером, когда она накормила его ужином, она взяла нож, спрятала его между складками платья и пошла к нему, как будто поговорить с ним, а между тем узнать от него все.

Но она узнала совсем другое, чем думала.

Не ведая, с кем говорит он, Паксен рассказал все, что с ним случилось. Тогда вдова заплакала, бросила нож и открыла, кто она; рассказала, как обманул их обоих его друг.

– Что же, – сказал Паксен, – жизнь всякого человека проходит, но мы никого не обманули, мы любим друг друга, и нам есть что вспоминать. Мы уйдем далеко-далеко отсюда и проведем конец нашей жизни вместе.

Так они и сделали, уйдя в ту же ночь из гостиницы, оставив ее недостойному другу.

48. Сироты

Некто Тян-тон-уги женился, и жена сразу родила ему мальчика и девочку. А затем мать умерла, и дети остались сиротами.

Тон-уги женился на другой. Но та была злой мачехой для чужих ей детей. Когда же и у нее стали рождаться дети, то она только и думала о том, как бы извести ей детей от первой жены.

Когда им минуло девять лет, мачеха придумала вот что.

Привела в комнату девочки чужого мальчика и приказала ему убежать, когда она войдет со своим мужем.

Когда все так случилось, мачеха сказала мужу:

– Если и теперь ты не прогонишь своих детей, то я не останусь в твоём доме.

Тогда отец согласился и прогнал детей.

В глухую ночь мальчик и девочка, держась, за руки, ушли из дому и шли до тех пор, пока не пришли к бедной фанзе, которая стояла в глухом лесу.

В фанзе жили две женщины, – одна старая, другая молодая.

– Кто вы? – спросили их женщины.

Дети рассказали, и старуха дала им по груше. Когда дети съели груши, женщины дали им три фонаря и сказали:

– Идите прямо, и вам попадетсЯ избушка на пути. Вас не

будут пускать, но вы дайте один фонарь. Потом вам встретится прозрачный мост, вас не будут пускать, но вы дайте другой фонарь. Наконец, когда подойдете к старому, как мир, дворцу, отдайте третий фонарь.

Так все и случилось. Их не пускали в избушку, но они отдали фонарь, и их пустили. Там было темно, и девять дней они шли темным коридором. Затем они вышли на свет и увидели такой сад и такие цветы, каких еще не видали.

Они подошли к прозрачному мосту через реку, вода которой была нежнее цвета неба.

Они отдали другой фонарь и перешли мост.

Тогда дети подошли к старому, как мир, дворцу и отдали третий фонарь, и их впустили. В первой комнате они увидели женщину, которую пилой разрезывали пополам. Эта женщина была их мачеха. Во второй комнате, в котле, варили человека – это был убийца. В третьей комнате в огонь зарывали человека и поливали его тремя рюмками горячей сули. Это был человек, не заботившийся о могилах своих предков.

В четвертой – блуднице отрезали губы...

Так они прошли много, много комнат, когда увидели человека, который ел семь закусок и прекрасные блюда, – это был праведник.

В следующей, большой и светлой комнате, была их мать.

И к ним пришел сам Оконшанте.

– Это ваш дедушка, – сказала детям мать.

– Да, – сказал Оконшанте, глядя детей по головке, – я ваш

дедушка, потому что она моя дочь. Это я вам послал груши и три фонаря, с помощью которых вы пришли ко мне на небо. Вы не возвратитесь больше на землю, вы всегда теперь будете жить с вашей матерью и будете играть в этом саду.

И он отворил дверь, и дети увидели такой сад, какого нет на земле. И они скоро забыли про землю.

49. Судья

Прежде, когда должности не продавались, а приобретались знанием, начальство в Корее было умное.

Жила однажды красивая женщина, жена хозяина постоянного двора. Хозяин пил и играл, а она вела все дело.

Все заглядывались на прекрасную женщину, но она ни на кого не обращала внимания, пока не пришел некий Ким-ки, родом из Хериона. И хотя он шел далеко, но красота хозяйки удержала его, и, видя и с ее стороны поощрение, он решил остановиться у нее на ночлег.

Ночью, когда хозяин ушел, по обыкновению, играть в карты, он осторожно прошел к ней в спальню.

Наступив на что-то мокрое, он вздул огонь и увидел, что это была лужа крови. Тут же лежала и мертвая хозяйка с ножом в груди. Он хотел бежать, но вспомнил, что в эту ночь в гостинице ночевал он один, и, следовательно, в случае его бегства, его нагонят и обвинят. Но и так было не легче: все улики были против него, и он решил покориться своей участи.

Утром пришел хозяин и, застав Кима с своей убитой женой, отправил его в тюрьму.

На вопрос судьи Ким, боясь пыток, сказал, что он убил.

Но судья, внимательно осмотрев труп, вынул нож и, увидев, что нож Кима при нем, спросил его:

– Где ножны от этого ножа?

Их не было у Кима-ки.

Тогда мудрый судья приказал всем жителям принести свои ножи.

Перемешав их и подсунув и этот нож, судья приказал взять назад свои ножи.

Все взяли ножи, и остался только подсунутый.

– А это чей же нож?

– А это нож пэк-тей Цсяя, – сказал его сосед.

Пэк-тей – значит мясник.

Этого только и надо было судье. Он приказал схватить Цсяя, посадить его в тюрьму и надеть ему ниже колен деревянные клещи. Эти клещи сжимали до тех пор, пока кости на ногах у Цсяя не лопнули, и, не выдержав больше боли, он сознался, что убил ее за то, что она не соглашалась быть его любовницей. Тогда ему отрубили голову.

50. Богатырь

Жил министр Со-сын-шан.

Против него была устроена интрига, и император уволил его.

Со-сын-шан поселился с женой в глухом, уединенном месте и, оскорбленный несправедливостью, никого не хотел видеть.

Он желал одного только сына, но сына у них не было.

Тогда жена его, Чен-си, пошла с рабой своей в монастырь к бонзам.

Один бонза, встретив ее у монастыря, сказал ей:

– Я знаю, зачем ты пришла, – иди за мною.

Он привел ее на святую гору, а так как уже была ночь, то она легла спать.

Ночью ей приснился сон: видит она, что на небе Большая Медведица (Чир-шей) движется и, приняв образ человека, пронизывает ее серебряными лучами.

Когда она проснулась, бонза сказал ей:

– Иди домой и жди.

Прошло двенадцать месяцев, и Чен-си родила бесследно ребенка, и так как у этого ребенка были крылья, то он и улетел на святую гору.

Иногда только он прилетал к своей матери, чтобы кормиться ее молоком, так что сама мать не знала об этом.

Родители, по обычаю, молчали о случившемся, так как иначе сын никогда не возвратился бы больше к ним.

Мальчик рос на святой горе и назывался Со-дэ-шан. Великий Тонн учил его наукам и военному делу, и так шло, пока Со-дэ-шану не минуло шестнадцать лет.

Тогда он стал проситься у Тонна домой.

– Ты богатырь и не для того создан, чтобы жить жизнью смертных. Сперва надо совершить возложенное на тебя дело, и тогда уже разыскивай себе родных и жену. Знай, что великан государства Танара воюет с Шабуаном. Богатырь Шабуана Ка-тар-ион уже дважды победил нашего богатыря Чун-чи-ли. Иди и победи Ка-тар-иона.

– Но у меня нет ни меча, ни шлема, ни щита, ни всего одеяния богатырского.

– Ты получишь его на могиле предков.

Тогда Со-дэ-шан отправился на могилу предков, совершил поминовение и уснул. Во сне явился к нему белый старик и принес ему все богатырское одеяние.

Когда Со-дэ-шан проснулся, он увидел возле себя богатырское одеяние и оделся. В это время с неба спустился огненный конь, сев на которого он отправился к императору.

Когда император узнал, что богатырь – сын изгнанного министра, он выразил удивление, что сын не только не хочет мстить, но даже берется защищать страну от врагов.

Император дал ему войско и подчинил ему своего богатыря Чун-чи-ли.

Со-дэ-шан прежде всего устроил пир своему войску и пировал с ним три дня. Потом он спросил своих воинов:

– А может быть, и не стоит на войну идти, и не лучше ли всю жизнь так пировать?

– Нет, – сказали воины, – надо врага изгнать из нашей страны.

– Ну, тогда пойдем и прогоним.

Со-дэ-шан пришел как раз тогда, когда Чун-чи-ли занимался единоборством с Ка-тар-ионом. И Ка-тар-ион уже убил Чун-чи-ли.

Тогда рассердился Со-дэ-шан и бросился на врагов. После жестокой битвы неприятель был разбит. Но Ка-тар-ион не падал духом. Он хотел поджечь лагерь Со-дэ-шана и отправился туда ночью.

Но он попал в руки самого Со-дэ-шана, и тот убил его.

Тогда император Шадуана собрал все войско и пошел на Со-дэ-шана.

Но Со-дэ-шан разбил императора и самого его захватил в плен.

Таким образом, империя Шадуан была присоединена к империи Танара.

51. ЛЮБОВЬ

Чун-хян была красива, как звезда на небе, но вела жизнь легкую, и ласками ее пользовались многие.

Так жила она, пока не пришел к ней Ли-то-рен, сын местного начальника, тасы. Она полюбила его и не хотела больше никого знать.

Так они жили, пока отца Ли не прогнали со службы, так как в грабеже он перешел все пределы, и что город разорен и нечем больше платить подати, стало известно королю в Се-уле.

Его имущество отобрали в казну, а его и его семейство сослали в ссылку.

Ли расстался с Чун-хян, но сказал ей на прощанье:

– Жди меня. Я люблю тебя, и когда срок кончится, я приду за тобой. Тогда мы уйдем из этого города куда-нибудь, где нас никто не знает, и будем, там вместе жить.

Но, когда приехал новый таса, он скоро узнал (так как в городе все знали друг про друга), кто такая была Чун-хян.

Тогда он приказал привести ее к себе.

Чун-хян не хотела, и ее силой, на руках, принесли к тасе.

– Зачем ты не хотела сама прийти ко мне? – спросил ее таса.

– Потому что я люблю Ли и не хочу больше никого другого любить.

– Глупая, – сказал ей таса, – ты красива и молода, и я понимаю, почему Ли любил тебя, но он не стоит тебя, и отныне ты будешь любить меня...

Но Чун-хян не хотела и отказалась от всех предложений тасы.

Тогда таса посадил ее в тюрьму. Это не помогло. Тогда таса сказал:

– Бейте и секите ее каждый день, пока она не сделается старухой.

И так секли и били прекрасную Чун-хян, пока не пропала ее красота.

Тогда таса приказал отпустить ее на волю.

Она возвратилась в свой дом и там жила в ожидании того, кого любила.

Много лет прошло, когда в город пришел один человек.

Он остановился в гостинице и стал расспрашивать о тех, кто живет в городе, и он узнал все про Чун-хян, как мучил ее таса и как теперь живет она уединенно в своей фанзе.

Тогда Ли пошел к ее дому и постучался.

– После стольких лет беспокойно стало вдруг мое сердце, – сказала Чун-хян, услышав стук, и сама пошла отворять.

Они сразу узнали друг друга, потому что Чун-хян стала опять удивительно молодой и прекрасной.

Они оставили этот город, где все еще жил ненавистный таса, и поселились далеко-далеко, забыв в счастливой жизни о пережитых невзгодах.

52. Два камня

Висели два камня над рекой. Один, пониже, был всегда в воде, другой, повыше, был всегда наверху.

Который пониже был, говорит:

– Хоть раз бы мне увидеть, что делается на земле.

А который повыше был, говорит:

– Хоть раз бы закрыло меня водой.

Вот и пришел раз такой сухой год, что и нижний камень увидел землю.

Но было сухо и все выгорело, – у людей не было хлеба, скот ревел без корму, и все кругом было желто, как и лучи солнца.

– Плохо же жить на земле, – сказал камень, – еще немного, и растрескается вся моя красивая наружность. То ли дело, как жил я раньше: прозрачная вода бежала мимо меня, веселый хоровод рыбок кружился и прятался подо мной, когда проходила лодка рыбака вверху надо мной, и то-то была потеха, когда сверху падал кусок чумизы, – сколько, сколько рыбок набегало тогда ко мне в гости.

И он был очень рад, когда вода снова закрыла его и он ушел в свое царство.

Пришел другой год, и вода поднялась так высоко, что залила верхний камень.

Но вода была мутна и грязна, и, как камень ни таращился,

он ничего не увидел, и только грязи набилось в него.

– Фу, какая гадость, – сказал камень, когда увидел опять свет, и уже не хотел больше опять очутиться под водой.

53. Сын тысяченожки

Хотя тысяченожкам не везет в Корею, так как любопытнее корейца, как известно, нет человека на свете, но одной, тысяченожке удалось все-таки найти такого человека, который все три месяца ни разу не заглянул к ней в комнату.

После этого тысяченожка стала такой же, как все, женщиной и родила здорового и сильного мальчика, которого до девяти лет звали Шуади, что значит теленок, а затем Тончу-ди.

Судьба таких детей от матери, бывшей тысяченожкой, всегда необычайна.

До тринадцати лет он воспитывался дома, в тринадцать его отдали к бонзам, а в шестнадцать лет он блистательно кончил свое ученье и отправился домой.

По дороге, на берегу одной реки, он увидел, что мальчишки поймали хорошенькую рыбку и спорили о том, кому она принадлежит. Тон подошел, взял рыбку в руки и вдруг увидел, что из глаз ее текут слезы.

Тогда он купил рыбку, пустил ее обратно в реку и продолжал дорогу.

Через некоторое время подъехал к нему человек на прекрасной лошади без шерсти. Этот человек сказал ему:

– Мой господин просит вас к себе в гости.

Слуга слез с лошади и предложил ее Тону.

– Одно условие, – сказал слуга, – надо завязать вам глаза.
Тон согласился, и они отправились в путь.

После некоторого времени слуга снял с Тона повязку, и Тон увидел перед собой большой прозрачный дворец.

Все кругом двигалось, было странно и не похоже на землю.

– Где я?

– В океане, во дворце морского царя.

– Зачем он позвал меня?

– Это он вам сам расскажет.

Когда Тона привели к морскому царю, тот сказал ему:

– Сегодня ты спас мою дочь. Я позвал, чтобы поблагодарить тебя. Чего ты хочешь?

– Которую из дочерей я спас?

– Вот эту, самую младшую, Мор-цанье, которую я в первый раз сегодня выпустил на волю, и она так неосторожно попала к людям и без твоей помощи погибла бы.

Мор-цанье была гораздо красивее всех тех, которых он видел на земле, и поэтому он сразу полюбил ее.

Что до Мор-цанье, то она еще раньше, когда Тон рыбкой держал ее в руках, полюбила его.

– Я в награду хочу жениться на Мор-цанье, – сказал он.

– Пусть будет так, – сказал царь и сыграл веселую свадьбу.

Через три года Тон соскучился по земле.

– Пойдешь ты за мной на землю? – спросил жену.

– Пойду. Уходя, когда отец предложит тебе подарки, возь-

ми только без шерсти лошадь, которая бежит тысячу ли в час; собачонку, которая как только залает, амбар наполняется рисом, и аршин, которым если мерить материю, то ее делается в десять раз больше.

Так и сделал Тон.

Возвратившись на землю, он поселился в Сеуле и, с помощью лошади, собаки и аршина, сделался богатым человеком.

В это время отец его уже умер.

Мать сказала сыну:

– Когда я была тысяченожкой, то жила возле горы одного змея. Через десять дней кончится ему три тысячи лет, и он, превратившись в дракона, улетит в небо. Таким образом откроется новая императорская могила, там и похорони своего отца.

Так и сделал сын.

Счастливым день для похорон оказался как раз тот, в который змей должен был превратиться в дракона.

Накануне Тону приснилось, что пришел к нему морской царь и сказал: «Передай змею, когда его увидишь, поклон от меня».

Проснувшись и вырыв кости своего отца, Тон отправился к горе змея.

У подножья он встретил множество народа и узнал, что змей никого не пропускает, убивая всякого, кто подходит к нему.

– Сегодня счастливый день для похорон отца, и я должен

идти, – сказал Тон и пошел.

Увидев разинутую пасть змея, он испугался, но вдруг вспомнил свой сон, поклонился и сказал:

– Я принес тебе поклон от морского царя.

Этого слова только и ждал змей.

В то же мгновение он превратился в дракона и улетел в небо, а гора с грохотом и треском лопнула и раскрылась. Тон, не медля ни минуты, бросил в нее кости своего отца, после чего гора опять закрылась.

Вскоре после того Тон получил место губернатора, род его возрос, и последняя из его рода вышла замуж за императора.

54. Сим-чен

Давно-давно, когда еще не приходили японцы, когда еще монахи Будды, в своих больших шляпах, были священными гостями и не запрещали им выходить из своих монастырей, в королевстве Сан-нара жил бедный слепой старик с своей женой.

Его звали Сим-поис, а жену Кванситун.

У них не было детей, и это было их главной горю.

И потому, когда родилась у них дочь Сим-чен, радости их не было конца.

Но на восьмой день Кванситун умерла, и слепой Сим-поис остался с своей маленькой дочкой.

Он носил ее на руках из дома в дом, и везде, где были матери с грудными детьми, они кормили Сим-чен своей грудью.

Так незаметно вскормили Сим-чен, так же незаметно и выросла она и стала самой красивой девушкой, какая когда-либо была на земле.

Все говорили об этом ее отцу, но Сим-поис отвечал всегда:

– Я слепой и не знаю того, о чем вы говорите мне.

Но раз мимо его фанзы проходил монах и, услышав его, спросил:

– А что бы ты дал великому Будде, если бы он возвратил

тебе зрение?

– Я дал бы ему триста мешков рису, – сказал Сим-поис.

– Откуда ты, бедный слепой, достанешь столько рису? – спросил монах.

Сим-поис ответил:

– Что говорю я, то верно, потому что нет такого человека, который осмелится обмануть Будду.

– Хорошо, – сказал монах, – приноси рис в монастырь, и ты получишь зрение.

Монах ушел, а Сим-поис стал думать о том, как он мог обещать столько рису и откуда ему достать его.

Но, сколько он ни думал, он ничего не мог придумать.

Тогда он загрустил и перестал принимать пищу.

– Отчего, отец, ты не ешь ничего? – спросила его Сим-чен.

– Я не скажу тебе, отчего я не ем ничего, – ответил отец.

Тогда заплакала Сим-чен и сказала:

– Разве я не забочусь о тебе? Разве я не отдам за тебя жизнь, чтобы видеть тебя опять веселым?

Тогда Сим-поис рассказал ей все.

– Не печалься, отец, и ешь: это Будда так велел тебе сказать, и он сам и исполнит все.

Через некоторое время пришли к ним купцы, которые собирались ехать через море за товарами в Нан-сан. Они пришли купить девушку, чтобы принести ее в жертву морю, когда море рассердится и начнет их топить.

– Купите меня, – сказала Сим-чен, – за триста мешков

рису.

Купцы подумали и согласились.

На четырнадцатый день третьего месяца купцы назначили свой отъезд.

Последняя ночь оставалась только, Сим-чен сидела у изголовья своего отца и тихо плакала.

Одна слеза упала отцу на лицо, и проснулся он.

– Дочь моя, зачем ты плачешь?

Сим-чен испугалась:

– Не спрашивай меня, отец.

– Нет, я спрашиваю. Я твой отец, и ты должна мне все сказать.

– О отец, не спрашивай меня.

– Так ты чтить предков, так почтут и тебя. Иди от меня.

Испугалась Сим-чен еще больше и все рассказала отцу.

Заплакал слепой:

– О дочь моя, дочь, зачем ты так сделала, – я запрещаю тебе.

И он пошел к купцам и сказал им:

– Не отдам я вам свою дочь, берите свой рис назад.

– Рис мы уже отправили в монастырь, – ответили ему купцы.

Тогда старик упал на землю, рвал на себе волосы и кричал:

– Зачем отнимают у меня дочь? На что мне на старости лет глаза, чтобы выплакать их опять? Она молодая, я старый...

Но Сим-чен нежно обнимала его и говорила:

– Не говори так, отец: часто на старом дереве цветут цветы, и нет их на молодом... Это воля богов, и я не боюсь смерти...

Так ушла Сим-чен с купцами, и ее провожали подруги, которым говорила она:

– Не плачьте обо мне, а если вы меня любите, то кормите моего отца и ходите за ним так, как ходила я. Не плачьте, потому что я не боюсь смерти и рада умереть за своего отца.

Все пришли, и все слышали ее слова, и глава рода их, старик, еще больший, чем ее отец, сказал ей:

– Ты великая девушка, и надо, чтобы всякий делал то, что он может. Ты не умрешь и из рода в род будешь жить с нашими предками, и между первыми из них ты будешь первая. – И, повернувшись к Сим-поису, он сказал ему: – А ты ее отец, и твой почет с ней.

Так сказал древний, как век, старик, глава их рода, и что сказал он, то так и будет.

И все это слышали и плакали.

И плакали купцы и прибавили еще денег на пропитание слепого Сим-поиса.

А потом они сели на корабль и увезли с собой Сим-чен.

Сперва они плыли благополучно, море было тихое, и часто на его поверхности показывались русалки.

Они кивали Сим-чен головой и жалели ее.

Сим-чен сидела и тоже грустно кивала и думала: «Скоро, скоро мы с вами увидимся».

А потом поднялась буря, и спряталось солнце в своем золотом дворце. И с громом запирались окна дворца темными ставнями, и стало темно, и бешеные волны поднялись выше корабля.

Тогда Сим-чен потребовала себе сосуд с чистой водой – чен-хвашу – и стала молиться за спутников.

Помолившись, она мужественно подошла к борту корабля и, закрыв глаза руками, бросилась в бушующее море.

– Так прекраснейшая из прекраснейших роз «кангсенхва» оторвана от родной ветки и унесена неумолимым потоком, – сказал один из купцов, в то время как остальные в немом ужасе смотрели в мрачные и темные бездны океана.

Но уже конец страшной буре, отворяются двери золотого дворца солнца, и уже глядит оно из-за рядов своих и золотистых, и пурпурных, и оранжевых башен, из своей нежно-лазуревой дали на убегающий по зелено-прозрачным волнам корабль.

А Сим-чен ушла в подводное царство и увидела там столько чудес, что забыла про землю. Прошло три года.

Поехали купцы назад, на родину, с богатой добычей.

Плывут они по морю и видят, что там, где принесли они Сим-чен в жертву морю, плавает лучшая из роз «кангсенхва».

Взяли они эту розу и сказали:

– Это прекрасная Сим-чен превратилась в эту розу.

Когда приехали купцы на родину, им рассказали, что мо-

лодой король их очень болен, и может его вылечить только цветок «кангсенхва».

Тогда они пошли к королю и продали ему за большие деньги цветок.

Тогда морской бог спустил Сим-чен через радугу назад на землю, прямо в королевский сад.

Спит Сим-чен, и снится ей, что пришла к ней мать и говорит ей:

– Ты будешь королевой.

Проснулась Сим-чен и видит, идет к ней молодой король и держит в руках прекрасный «кангсенхва».

– Кто ты?

– Я не знаю, – и Сим-чен говорила правду, она забыла про землю.

– Красивее тебя, – сказал ей король, – я не видал никогда, и ты будешь моя жена.

И, когда сыграли свадьбу, Сим-чен вспомнила, как жила она прежде на земле, вспомнила отца.

Она рассказала все своему мужу.

Если бы она до свадьбы вспомнила, не была бы королевой по закону, так как была незнатного рода.

Но теперь уже все было сделано, и король послал за ее отцом.

Когда привели ее отца, королева обрадовалась и спросила:

– Ты всегда видел, старик?

– Нет, я не всегда видел, – сказал старый Сим-поис, но

моя дочь умерла за меня, и я стал видеть.

Тогда заплакала королева и сказала:

– Я твоя дочь. Ты не узнаешь разве моего голоса?

То-то была радость. Король назвал старика своим тестем, и жили они все трое и долго и счастливо.

Только и грустила иногда Сим-чен, когда вспоминала злой обычай бросать молодых девушек в море, но король говорил, утешая ее, что, может быть, и их судьба не хуже ее.

55. Честный человек

Когда-то в Сеуле жил бедный, но честный человек.

Он был честный, но беспокойный, – до всего ему было дело.

Родственники достали ему место сторожа городских ворот.

Надо было ему смотреть, куда из города ходит один из министров.

Он ходил к своей возлюбленной, и сторож всем об этом рассказал.

Министр приказал его отстегать плетьюми и прогнать, но, к счастью, скоро и самого министра за излишнее воровство отстегали и сослали в ссылку или отдали в рабство.

А сторож опять получил свое прежнее место. Но и на этот раз он недолго ужился на нем.

Заметил сторож, что красивый бонза, как только наступит вечер, входит в город.

– Зачем он из своего монастыря шляется сюда каждую ночь? Это неспроста.

И вот однажды, заперев ворота, он выследил, в какую фанзу скрылся монах.

Это был дом очень богатых людей. Бонза вошел в женское отделение.

– О-го, – сказал сторож и осторожно подкрался к окну.

Окна в Корее бумажные, и, сделав маленькое отверстие, сторож мог видеть все, что происходит в комнате.

Там спал маленький, лет десяти, мальчик, а возле него сидела красивая женщина. Это была жена мальчика.

Каждый раз, как мальчик-муж засыпал, к ней приходил монах – бонза, и всю ночь они целовались.

Сторож видел, как и теперь монах обнял чужую жену, и слышал, как он говорил ей;

– Мне надоело так тайком ходить к тебе, я убью твоего мужа, и тогда поневоле ты пойдешь за мной. Мы уйдем далеко отсюда и будем самыми счастливыми людьми.

Он уже вынул нож, но в это время сторож, открыв окно, бросился в комнату, выхватил у бонзы нож и заколол его и жену.

От шума проснулся мальчик.

– Как ты смел убить мою жену? – крикнул он и бросился на сторожа.

– О глупый, – сказал ему сторож и толкнул его так, что он упал, а сторож выскочил в окно.

– Ну, – сказал он сам себе, – теперь я так хорошо устроил свои дела здесь, что мне только и остается, что быть повешенным.

Он этого не хотел, и, бросив дом и семью, в глухую ночь бежал из Сеула.

Прошло много лет.

Муж-мальчик вырос, дослужился до министра и вышел в

отставку.

Но он никогда не оставлял мысли отомстить за жену.

Выйдя в отставку, он поселился в одном городе и открыл даровой ночлежный приют.

Каждого, кто приходил к нему, он расспрашивал, кто он и откуда.

А приходило много: всякий хотел даром поесть и поспать.

Вот однажды пришел один старик.

– Отчего ты, старик, такой печальный?

– Оттого, что я не нашел правды на земле. Все, кому я делал добро, все они выходили моими злейшими врагами. На старости лет я нищий, навсегда разлученный с своей семьей.

– Почему ты с ней разлучен?

Старик рассказал все.

– Я искал тебя, чтобы убить, а между тем ты спас мою жизнь, – сказал хозяин.

Он обнял старика, дал ему много денег и сам отвез его к его семье в Сеул.

56. Нью-сан

В корейских деревнях нет школы, но в каждой фанзе, где есть ученик, дают на время помещение и школе, и ученику, и учителю.

Один ученик по имени Хон был сын богатых родителей и любил щеголять. Его костюм был сшит из тонкого репса, а на ногах он носил щегольские китайские башмаки.

В одной из фанз была красивая девушка, которую Хон полюбил.

И девушка полюбила его.

Вечером они сходились за фанзой, где назначали свидание друг другу.

Девушку эту полюбил и учитель, Нью-сан, что значит три листа вербы.

Однажды Нью-сан усыпил Хона, оделся в его платье и пошел вместо него на свидание.

Но девушка не далась в обман. Тогда рассерженный Нью-сан заколол ее.

Но затем, испугавшись, он убежал, забыв на месте туфли Хона.

На другой день убийство обнаружилось, и так как там были туфли Хона, то его и схватили.

Хон, ввиду таких неотразимых улик, чтобы избежать пытки, взял вину на себя.

Его приговорили к смерти, и губернатор утвердил приговор.

Но душа девушки не хотела его смерти.

Она сорвала три листа вербы и бросила их на губернатора.

– Нью-сан, что значит три листа вербы, без ветра упали на меня. Это что-то странно.

Настоящий Нью-сан, стоявший тут же, услышав вдруг свое имя, стал поспешно прятаться в толпе.

– Что это за человек там прячется? – спросил губернатор.

– Это Нью-сан.

– Нет, нет, это не я убил! – закричал Нью-сан.

Но ему не поверили и надели на него клещи. Их крутили до тех пор, пока кости ног Нью-сана не лопнули и он не сказал правды.

Тогда его казнили, а Хона отпустили.

57. Родовая месть

Еман-аман – родовая месть – страшная вещь.

Корейская пословица говорит, что жизнь одного убитого человека стоит тысячи жизней других.

Всякий носящий фамилию убитого, где бы он ни был, должен мстить убийце.

Но из рода убийцы тоже могут мстить.

И так продолжается часто из рода в род.

В прошлом году в городе Когни вот что случилось.

В округе Когни проживал некто Хан. У него в фанзе жила вдова его сына. На вдов охотников всегда много.

Некто Мун-дзи-нооги, женатый кореец, прослышав о вдове, отправился ночью с партией и, силой схватив, увез ее.

Родные защищали вдову, но безуспешно, и один из защищавших был убит при этом. Прошло два года, корейские власти считались с русскими, и так как Мун не считался русским подданным, то его и выдали корейским властям, которые и засадили его в Когни в тюрьму. Шесть месяцев продолжался суд, и так как Мун был богат, то его и оправдали на том основании, что-де не он, а один из товарищей его убил.

Тогда Хан решил распорядиться сам. С помощью родных ночью он проломал стену той тюрьмы, где сидел Мун, вытащил его из тюрьмы и проколол его ножом. Затем он разрезал ему живот, вынул печень и, по обычаю, откусив кусок,

пожевал и выплюнул, а остальную печень бросил собакам.

Так как все родственники Муна живут в России и немного изменили свой взгляд на месть, то Мун так и останется неотомщенным в свою очередь.

58. Похороны

Прежде корейцы хоронили мертвых очень скоро после их смерти.

Но вот с каких пор обычай этот переменился.

У императора Шемуана была дочь, которую он очень любил.

Смерть ее в молодых годах убила таким горем императора, что он никак не мог решиться хоронить ее.

И вдруг на третий день она воскресла.

С тех пор и вышло распоряжение как можно дольше не хоронить покойников.

Богатые держат мертвых в домах до трех месяцев, заделывая их в парадные комнаты, оставляя им пищу. Бедные держат меньше и хоронят в нечетные и счастливые дни месяца. Такие дни они узнают или из календарей, или от предсказателей и шаманов.

59. С каких пор в Корее появилось тонкое полотно

Была одна очень странная и сильная девушка. Она жила в Тангани.

Когда пришло время выдавать ее замуж, ее выдали за одного бедного человека.

На свадьбе молодые называются королем и королевой. Они могут требовать все.

– Я хочу бычачьего мяса, – сказала она.

И нечего делать, пришлось для этого зарезать последнего быка.

Наевшись, она сказала:

– Я хочу курить.

И хотя в Корее курят только старые уже женщины, но ввиду свадьбы ей подали табак и трубку.

Затем, по обычаю, молодые три дня ничего не делали.

Но она и на четвертый день ничего не хотела делать, а спросила:

– Много ли у вас чумизы?

– У нас чумизы три меры.

– Дайте мне ее.

Она сварила из нее себе кашу и всю ее съела, оставив остальных голодными.

Все молчали, так как не принято бранить молодую.

Поев, она спросила:

– А что, есть у вас волокно?

Ей дали столько, что из этого количества можно бы было приготовить сто кусков полотна.

Но она сделала из всего один только кусок. Но это было такое тонкое полотно, какого еще не видали в Корее.

За него дали столько денег, что семья сразу разбогатела.

С тех пор и узнали в Корее о тонком полотне.

60. Змей

Есть в Корее змей.

Он с виду похож на красивого парня. Передние лапы его похожи на руки, задние же могут обхватить человека. От задних лап идет хвост.

Змей любит самых красивых девушек. Он обольщает красавиц, и они, думая, что имеют дело с парнем, отдаются ему.

И тогда только они узнают ужасную истину. Но поздно: змей точно прирастает к ним. Так и ходят они, нося его на спине. Задними лапами он обнимает их за талию, а передние держит на плече девушки. Таких девушек называют змеиными девушками: курон-как-си.

Чтобы избавиться от змея – одно средство: сделать из дерева его изображение и осторожно показать его головку змею. Тогда, думая, что это его настоящая подруга, змей поползет к ней и освободит таким образом девушку.

61. Жена раба

У одного министра была дочь редкой красоты. Ее берегли так, что она не знала даже луча солнца, так как никогда не выходила из комнаты. Блеск золота заменял ей солнечные лучи.

Но тем не менее, когда пришла пора любви, девушка полюбила раба своего отца.

За такую любовь к рабу закон наказывает гражданской смертью. Виновный считается умершим, его гроб хоронят, делают надпись, что такой-то или такая-то скончались, оплакивают их смерть, а самих их, бесправных, изгоняют из дома.

Отец девушки предложил ей, когда преступление было обнаружено, удалиться из его дома. Но так как она не хотела, то он послал одного из своих стражников разыскать самого последнего человека в королевстве. Стражник привел человека, который выжигал в лесу уголь.

Этот человек никогда не умывался и сам был черен, как уголь.

– Хочешь мою дочь взять себе в жены? – спросил отец.

– Хочу, – ответил угольщик.

– Бери и никогда не попадайся мне на глаза.

Угольщик взял свою жену и увел ее к себе в лес. Она испугалась, когда увидела свой новый дом.

Это был простой шалаш, одинаково открытый и ветру и

холоду. В кладовой же было пусто и не было даже горсти чумизы.

– Что же мы будем есть? – подумала она вслух. На пороге сидела старушка, мать угольщика. – А вот мы понесем на базар уголь, – сказала она, – и купим чумизы на завтра. А завтра купим на следующий день. Так и живем мы, так живут все угольщики.

И в это время жена угольщика обратила внимание на желтый камень, из которого была сделана завалинка вокруг их шалаша.

Она не знала солнечного луча, но хорошо знала, что такое золото.

– Возьми, – сказала она мужу, – один камень, отнеси в город и отдай его за столько, сколько тебе дадут.

Муж поехал и привез назад несколько возов денег. Так они продали все золото и стали так же богаты, как и их отец.

– Ты грамотный? – спросила она потом своего мужа.

– Нет.

– Тебе надо учиться.

Она наняла ему учителей, и через десять лет он был образован, как и ее отец.

Затем она купила ему должность министра, и отец первый приехал к ним с поклоном.

62. С каких пор женщины Кореи стали вести замкнутую жизнь

Вот с каких пор корейские женщины стали вести замкнутую жизнь.

Тысяча пятьсот лет назад царствовал в Корее знаменитый император О-шан-пу-он-кун.

Когда ему было шестнадцать лет, он ходил в школу и от товарищей слышал, что все женщины Сеула распутны. Он пожелал поэтому испытать свою жену и мать.

Однажды, когда жена его гуляла в саду, он, переодетый, выскочил из-за кустов, поцеловал ее и убежал.

Вечером жена его ничего не рассказала, но была задумчива.

Прошло еще два дня. Она перестала принимать пищу. – Отчего ты ничего не ешь? – спросил ее король.

Тогда она заплакала и рассказала ему все.

– Я теперь обесчещена, и мне остается одно – умереть, потому я и не принимаю пищу.

Тогда король обнял ее и рассказал все, как было.

Относительно того, как испытать мать, король долго думал и решил прибегнуть к следующей хитрости. Он и два его товарища должны были, переодетые в Будду и двух его ангелов, появиться в буддийском монастыре, который тогда

существовал в Сеуле, в то время, когда по случаю Нового года все женщины города будут в храме с обычными чашками риса. О замысле короля знал только монах, и от остальных все сохранялось в строжайшей тайне.

Поэтому, когда вдруг, во время службы, в храм вошел Будда с двумя ангелами, так, как их изображают на изваяниях, то монахи упали на землю, крича: «Сам великий Будда сошел на землю», а все бывшие в храме женщины потеряли голову от страха.

Мнимый же Будда, не теряя подходящего мгновения, сказал:

– Я пришел на землю, чтобы снять с вас ваши грехи, идите с вашими чашками рису ко мне и несите их столько, сколько у каждой любовников. Если которая хоть одного утаит, то тут же в храме будет мной казнена.

Тогда открылись удивительные вещи. Хотя и запасли монахи много рисовых чашек, но их не хватило, и они много раз бегали за ними на базар. Хорошие дела они сделали в тот день, да и король узнал, что из всех его подданных женщин только и были невинных две: его жена и мать. У остальных же было по два, по три и до десяти мужей. Его ангелы записывали женщин и их мужей, а на другой день король написал и расклеил везде объявления, в которых сообщил, сколько у каждого из его министров жен и сколько у каждой из них возлюбленных.

А чтобы впредь ничего подобного не могло быть, король и

издал им правила, по которым и до сих пор живут женщины
Кореи.

63. Ко и Кили-си

Когда-то жил в одном городе молодой человек по имени Ко. Он был бедный и служил работником у своего соседа. Он был трудолюбив, хорошо обращался с своими товарищами, и потому все любили его. И так как он был не женат, то все хотели, чтобы он женился. Однажды для этого жители города собрались на совещание и решили, что девушка по имени Кили-си, слава о которой далеко ушла за пределы города, лучше всего подойдет к нему. Отец девушки тоже был согласен. Таким образом Ко женился на Кили-си.

Был выбран для свадьбы как раз тот день, который лучше всего подходил к ним. Это был восьмой день третьего новолуния.

Когда после свадьбы молодые были отведены в их помещение, Кили-си сказала Ко:

– Ты молодой и способный человек, ты можешь сделаться большим человеком, и время у тебя есть. Тебе всего восемнадцать лет. Я люблю тебя, но хочу любить еще больше. И я не буду твоей женой до тех пор, пока ты не научишься читать, писать, пока ты не узнаешь всех наук.

– Но для этого надо не меньше десяти лет, – вскричал Ко.

– Десять лет в работе скоро пройдут, а я буду ждать тебя и заниматься хозяйством.

– Я исполню твое желание, но через год. А этот год я хочу

прожить с тобой, потому что ты прекрасна и я люблю тебя.

– Нет, если ты теперь не исполнишь моей просьбы, то через год я ничего не буду для тебя стоить. Если же ты любишь действительно меня, то сделай, о чем прошу.

– Хорошо, – сказал Ко, – я исполню твоё желание, но я тоже ставлю условие: ты должна быть на эту ночь моей женой, и затем я уйду и возвращусь опять к тебе через десять лет, когда буду таким, каким ты желаешь меня видеть.

– Хорошо, я исполню твоё желание, но сперва мы должны заключить условие между собой.

Она обрезала свой третий палец правой руки и из полившейся крови сделала знаки клятвы на краю своей юбки. Затем она оторвала написанное, разорвала пополам, одну половину отдала ему, а другую спрятала у себя.

На другой день, когда все проснулись, Ко уже не было, и никто не знал, куда он ушел.

Кили-си дала Ко на дорогу несколько книг и немного денег.

Ко шел по дороге и думал, как он может сделаться ученым человеком. Так шел Ко и пришел в одно селение.

Проходя по улице, около одной фанзы, он услышал голоса учившихся школьников и сообразил, что это школа. Тогда он вошел в нее и сел.

Учитель спросил его:

– Кто ты?

– Я ученик, – ответил Ко.

– Где твои книги?

Ко показал.

– Прочти, – сказал учитель.

Но Ко не умел читать.

– Ты не ученик, а мошенник, ты хочешь только даром чумизу есть. Мои ученики уже много знают, и некому здесь с тобой возиться: иди.

И Ко ушел.

– Нет, никогда мне ничему не выучиться, – сказал он, – лучше я пойду в лес, и пусть меня разорвут тигры.

И он ушел в лес. Он шел все дальше и дальше и зашел в такую чащу, что потерял дорогу. И хотя он и хотел умереть, но когда услышал возле себя шум, то, подумав, что это тигры, быстро спрятался.

Но это были не тигры, а монахи, монастырь которых под черепичной крышей стоял в этом лесу.

– Это тот самый мошенник, который прошлой ночью хотел нас обокрасть, – сказал один монах.

И все бонзы тогда стали бить Ко.

А потом его связали и отправили в тюрьму.

Три дня Ко молчал от страха.

Но потом, когда пришел главный начальник, таса, и сказал, что Ко не имеет вида разбойника, и заговорил с ним ласково, Ко пришел в себя и рассказал все, что с ним случилось.

– Хорошо, – сказал начальник, – если ты действительно хочешь учиться, то оставайся у меня, носи дрова в дом, а я

буду сам учить тебя.

Так и сделал Ко. Пять лет он прожил у тасы и сказал ему таса, что он может идти в Сеул и держать там экзамен, на какую хочет должность в Сеуле.

Тогда еще в Сеуле не продавали за деньги должностей.

И хотя десять лет, положенных ему его женой, не прошло, но Ко пошел в Сеул.

Там ему и другим назначили день экзамена.

Сам король задал всем такую задачу:

«Соип-охы-ую-си-дзюн», что в буквальном переводе значило: «Смех, женщина, виноторговля, центр».

Из всех Ко один и прочел и истолковал, что хотел этим сказать король.

Вот что он хотел сказать:

– «В центре города есть виноторговля, где торгует красивая женщина и своим весельем и смехом привлекает всю молодежь».

Ко дали лучшую должность Пон-эса, что значит ревизор всех провинций.

Прошло еще три года, и, хотя срок еще не истек, Ко решил посетить родину.

Но он приехал и остановился в фанзе, где его никто не знал.

– Скажите мне, – спросил он, – есть ли здесь человек по имени Ко и что вы знаете о нем?

– Да, восемь лет тому назад, – отвечали ему, – был здесь

Ко, но после свадьбы он ушел, и с тех пор никто больше его не видел.

– Куда ушел он?

– Мы не знаем, – здесь осталась только жена его.

– Что это за женщина?

– Это очень добродетельная женщина. Она выстроила себе прекрасную, под черепичной кровлей фанзу и живет там с своим сыном, которому семь лет. Она устроила школу, где бесплатно занимаются наши дети.

– Я ревизор, – сказал Ко, – и должен осмотреть школу.

– Идите туда, там вас встретит полное гостеприимство, хотя самой хозяйки вы и не увидите, так как после ухода мужа она никому не показывается.

Когда Ко пришел в школу, все ученики его ждали. Он вызывал каждого из них и спрашивал фамилию.

Один из них на вопрос, как его фамилия, ответил:

– Меня зовут Ко.

Но отец не выдал себя и, кончив экзамен, ушел. Прошло еще два года.

Кончилось десять лет, и Ко поехал опять к себе на родину.

Он опять пришел в школу, и сказал сыну:

– Я хочу видеть твою мать.

– Мою мать нельзя видеть.

– Отнеси ей эту вещь.

Это была половина лоскутка, исписанная десять лет тому назад ее кровью.

Сын молча ушел к матери.

– Там какой-то чужой человек желает тебя видеть и дал этот лоскуток.

Кили-си, как только увидела лоскуток, крикнула:

– О сын мой, зови его.

– Мать, что это значит? Разве это твой муж?

– Да, это мой муж и твой отец.

Так возвратился домой Ко, сдержавший свое слово, и зажил с своей верной и умной женой.

64. Клятва

У Ян-сын-шеня, министра, был сын Ян-сан-боги, который до тринадцати лет учился дома, а затем отправился в монастырь к бонзам кончать свое образование, чтобы к своему совершеннолетию, шестнадцати годам, быть вполне образованным человеком.

По дороге в монастырь он проходил как-то под вечер мимо одной фанзы, принадлежавшей простому сельскому дворянину Хуан-сан-ше.

Дочь этого дворянина, тринадцатилетняя красавица Хуан-чун-вонлей, увидав юношу, послала рабу спросить, как зовут его.

Когда раба принесла ответ, девушка сказала:

– А спроси его, не хочет ли он немного отдохнуть с дороги?

Ян-сан принял предложение и вошел в дом. Когда он разговаривал с хозяином фанзы, отцом Вонлей, последняя звала отца и сказала ему:

– Позволь мне, отец, выйти к этому юноше.

– Но разве возможно это, – ты девушка, да к тому же про-сватанная?

– Отец, я переоденусь мальчиком.

Вонлей была единственная и к тому же балованная дочь, и она так горячо просила, что отец наконец согласился.

Девушка, переодевшись мальчиком, вышла к гостю, и они очень скоро подружились.

– Когда вы родились? – спросила юношу Вонлей.

– Я родился тринадцать лет тому назад, в третью луну, пятнадцатого дня, в обеденную пору.

– Как это удивительно, – сказала девушка, – ведь это мой год, день и час рожденья.

Гость, по приглашению отца, остался у них ночевать.

Дочь же опять пристала к отцу с новой просьбой – отпустить ее с этим юношей к бонзам учиться.

– Отец, я оденусь мальчиком, и, клянусь тебе именем покойной матери, никто никогда не узнает, что я девушка. А в шестнадцать лет я вернусь и выйду замуж за того, кого ты назначил мне в мужья. Эти же три года, единственные, которые остаются у меня свободными, позволь мне употребить на приобретение знаний, так как знание есть счастье.

Это было верно, и многие из подруг Вонлей, как и она, знали уже хорошо и мужскую и женскую грамоту.

Долго не соглашался отец. Но она так просила, плакала и уверяла, что умрет, если отец не исполнит ее желания. Отец наконец сдался.

Он взял с нее ещё раз клятву, что она не откроет своего пола.

– Будь покоен, отец, я исполню свой долг.

– Что бы вы сказали, – спросила на другой день Вонлей своего гостя, – если бы и я пошел с вами учиться к бонзам.

Ян-сан был очень рад этому и сказал, что само небо посылает ему такого товарища.

После этого они отправились в монастырь. Это было прекрасное путешествие. Когда приближалась ночь, они разводили костер, чтобы не съели их тигры и барсы, и весело разговаривали. Затем они ложились спать и беззаботно спали до утра. Однажды Вонлей сказала:

– Мы товарищи; почему нам не говорить друг другу «ты».

И они стали говорить друг другу «ты».

– Мы родились с тобой в один и тот же день и час, – сказала Вонлей на другом привале, – так нам надо побрататься.

И они побратались.

Для этого они написали своей кровью свои имена на одежде, отрезали написанное и, обменявшись, спрятали эти знаки у себя на груди.

Когда же они пришли к бонзам, великий Тонн (предсказатель) стал учить их всем наукам.

Ян-сан и Вонлей не могли жить друг без друга и никогда не разлучались.

– Скажи мне, – спросил однажды Ян-сан девушку, – отчего ты спишь всегда в платье, когда обычай наш спать голыми?

– Когда я был маленьким, я так заболел, что чуть не умер, – ответила Вонлей, – тогда отец дал клятву, что, если я выздоровею, то до шестнадцати лет буду спать в одежде.

Однако от мудрого Тонна не скрылся пол Вонлей. Когда

обоим исполнилось пятнадцать лет, он послал их купаться.

– Ты ничего не заметил, внук мой? – спросил Тонн Ян-сана, когда они возвратились с купанья.

– Я ничего не заметил, дед мой, кроме того, что брат мой, который купался выше меня по реке, порезал себе ногу, и потому на реке показалась кровь.

Прошел еще год, учење кончилось, обоим минуло шестнадцать лет, и Тонн, призвав Ян-сана, сказал ему:

– Внук мой, ты кончил учење, и пришло время избрать тебе подругу жизни, потому что жизнь человека, не имеющего потомства, ничего не стоит. Такой человек как будто не жил. И ты заслуживаешь по своим знаниям, трудолюбию и чистоте души лучшей из женщин. Она ближе, чем ты думаешь, к тебе. Я говорю о твоём товарище. Знай, это девушка, и лучшая из девушек.

Вечером Ян-сан сказал Вонлей: – Недаром так рвалось мое сердце к тебе, недаром так любил я тебя, и теперь, когда мы все знаем, что мешает нам, если ты любишь меня, стать мужем и женой?

– Люблю ли я тебя? – ответила Вонлей, – я полюбила тебя прежде, чем ты меня. Но разве ты забыл, что мы братья теперь?

– Я стал твоим братом обманом и не признаю своих обязательств, – сказал Ян-сан, снимая амулет, – возьми его назад.

– Но для меня это остается обязательством, – ответила она.

Тогда Ян-сан обнял Вонлей и сказал:

– О, Вонлей, зачем, когда наступило время нашего счастья, ты мучишь меня?

И он стал так горячо просить Вонлей, что она сказала ему:

– Хорошо, но я должна сперва снять зарок с себя. Спи. когда я его сниму, я приду к тебе.

Ян-сан заснул, а когда проснулся, то вместо девушки увидел возле себя только письмо от нее.

«Мой возлюбленный, – писала она, – тебя я полюбила и останусь тебе вечно верна. Но твоей я буду в вечности».

Ян-сан ничего не понял из этого письма и бросился догонять Вонлей.

Так он дошел до ее дома, не догнав ее.

Его встретил отец Вонлей и заявил ему, что его дочь уже семь лет, как сосватана. И, хотя жених ее не такого знатного рода, как он, Ян-сан, но слово дано, и ни земля, ни небо ничего не могут изменить здесь.

– Можно по крайней мере увидеть ее?-спросил Ян-сан.

– Нет, – ответил отец.

Ян-сан не мог жить без Вонлей.

Отец и мать обрадовались, увидев сына, но радость их сменилась горем, когда заметили они, что сын их болен.

Скоро положение Ян-сана стало безнадежным, и, умирая, он сказал:

– Я умираю от любви к девушке, имя которой Хуан-чун-вонлей. Здесь ничего нельзя изменить, потому что она уже

сосватана. Когда я умру, похороните меня у той дороги, по которой муж Вонлей поедет со своей женой.

Там его и похоронили.

А Вонлей обвенчалась с человеком, которого отец ее выбрал семь лет тому назад.

Но отец, пользуясь своим правом, не сразу отпустил Вонлей к мужу, а удержал ее у себя в доме еще на три года.

Все это время Вонлей только и делала, что стирала свое свадебное платье, и сделалось оно наконец тонкое, как паутинка.

Через три года приехал муж за Вонлей и увез ее к себе в дом.

Когда они проезжали мимо могилы Ян-сана, сидевшая на дереве зеленая птичка запела какую-то нежную песенку, от которой в первый раз после трех лет на бледных щеках Вонлей показался румянец.

Она остановила свою лошадь и сказала мужу:

– Это могила моего брата, – и Вонлей в доказательство показала лоскут, на котором кровью было написано имя Ян-сана, – позволь же мне согласно законам нашим помолиться о нем.

Муж не мог отказать жене в этой просьбе.

Подойдя к могиле, Вонлей сказала:

– Теперь, когда я исполнила волю моего отца, могила, раскройся и пусти меня к тому, кого одного я люблю и буду вечно любить.

Могила раскрылась, Вонлей вошла в нее, и могила снова закрылась.

Муж хотел было удержать ее за платье, но тонкое платье разорвалось, как паутина.

– И все-таки ты не будешь лежать с ним рядом, – сказал муж.

Он разрыл могилу, нашел там много костей и стал растаскивать их в разные стороны. Но кости опять сползались вместе, и опять он разлучал их, пока не раздался грозный голос с неба:

– Человек земли, это я, Великий Оконшанте, говорю тебе: все земные счета для этих лежащих в могиле окончены. Теперь это только мои дети: оставь же их.

Могила закрылась, а муж уехал к себе домой, уведомил родных Вонлей о случившемся и скоро женился на другой девушке.

Наступил праздник жатвы, который бывает ежегодно в восьмую луну пятнадцатого дня. По обычаю, так как в этот день поминают усопших, родные Ян-сана и Вонлей собрались на могиле своих детей. Тогда прилетели две птички, красная и зеленая, и запели какие-то нежные песни.

А когда обряд поминовения был кончен, с неба спустились две прекрасные небожительницы в белых одеждах, и каждая из них держала в руках по пяти цветков: белый, голубой, красный, желтый и черный. Небожительницы коснулись своими жезлами, и могила раскрылась. Они бросили туда бе-

лые цветы, и образовались скелеты. Бросили голубые цветы, и образовались жилы. Бросили красные, – потекла кровь. Бросили желтые, – образовалось тело. Бросили черные, – души вошли в тела, и, счастливые и радостные, Ян-сан и Вонлей вышли из могилы.

Небожительницы сказали:

– Это хозяин неба, Великий Оконшанте, уже не как ваших, а как своих детей возвращает их вторично на землю и дает им то счастье, которое отняли у них люди.

Ян-сан и Вонлей жили очень счастливо, имели много детей. Так как они уже умирали, смерть не коснулась их вторично: в день, когда им минуло восемьдесят лет, к ним спустился дракон и на глазах всех унес их на небо, к отцу их, Великому Оконшанте.